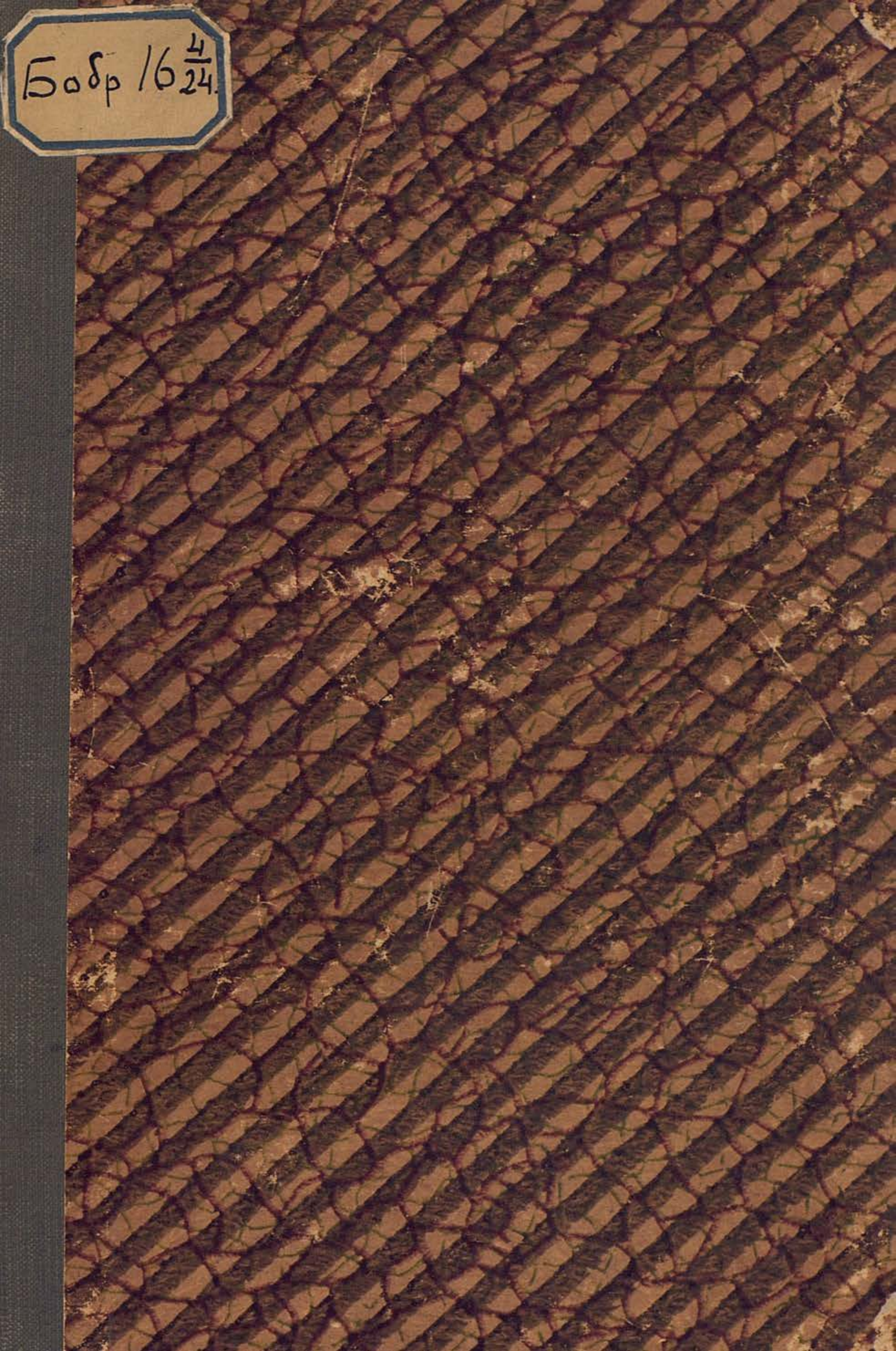

ЗАМѢТКИ

ПО

ГЕОГРАФІИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

По поводу сочиненія Н. П. Барсова: Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Варшава. 1873.

Л. МАЙКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая ул., д. № 49—2).
1874.

ЗАМѢТКИ

ПО

ГЕОГРАФІИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

По поводу сочиненія Н. П. Барсова: Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Варшава. 1873.

Л. МАЙКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая ул., д. № 49—2).
1874.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го Іюля 1874 года.

Полторасто отдѣльныхъ оттисковъ.

ЗАМѢТКИ

по

ГЕОГРАФІИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

рки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Изслѣдованіе *Н. П. Барсова*, библіотекаря Императорскаго Варшавскаго университета. В. 1873.

Изслѣдованіе изъ области русской исторической географіи—явленіе очень пріятное въ нашей литературѣ. Мы еще очень не богаты отдѣльными историко-географическими трудами, хотя матеріаловъ для нихъ собрано весьма много, да и частныхъ изысканій и отдѣльныхъ замѣтокъ по историко-географическимъ вопросамъ накопилось, со временъ Карамзина, не мало. Эта медленность въ общей разработкѣ предмета, въ сводѣ, провѣркѣ и дополненіи частныхъ замѣчаній объясняется, по нашему мнѣнію, болѣе всего значительною трудностью работъ такого рода: историко-географическія изслѣдованія требуютъ особенно разнообразной подготовки отъ лицъ, которыя имъ себя посвящаютъ; да и знакомство съ тѣмъ, что̀ уже сдѣлано наукой въ этомъ отношеніи, дается не легко—вслѣдствіе чрезвычайной разбросанности всѣхъ этихъ, иногда очень мелкихъ, указаній и замѣтокъ по множеству сочиненій и періодическихъ изданій разнороднаго содержанія. Въ виду этихъ обстоятельствъ, нельзя не отнестись съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ ученому, который спеціально посвящаетъ свои занятія вопросамъ русской исторической географіи. Читателямъ, вѣроятно, извѣстенъ прежній трудъ нашего автора: Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи. Собралъ и издалъ *Н. Барсовъ*. I. Географическій словарь Русской земли (IX—XIV ст.). Вильна. 1865 (VIII + 220 стр.). Нынѣ изданное изслѣдованіе является въ нѣкоторомъ родѣ развитіемъ прежде испол-

ненной работы, и сравненіе этихъ двухъ книгъ приводитъ къ очень отрадному заключенію, что авторъ, съ теченіемъ лѣтъ, значительно усовершенствовалъ свои ученые пріемы, расширилъ ихъ и пріобрѣлъ болѣе самостоятельности и осмотрительности въ научныхъ воззрѣніяхъ. Какъ это обстоятельство, такъ и значительные положительные результаты изслѣдованія г. Барсова даютъ его сочиненію видное мѣсто въ нашей историко-географической литературѣ.

Не принимая на себя обязанности представить, въ настоящей статьѣ, полную и всестороннюю его оцѣнку, мы постараемся высказать лишь нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу изысканій г. Барсова, и вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ по самымъ вопросамъ, изученію которыхъ трудъ его посвященъ.

I.

Двойное заглавіе сочиненія г. Барсова показываетъ, что оно составляетъ лишь первый отдѣлъ предпринятаго имъ историко-географическаго труда, при чемъ второе заглавіе ближайшимъ образомъ опредѣляетъ содержаніе нынѣ изданной книги. И дѣйствительно, изслѣдованіе географическихъ данныхъ Повѣсти временныхъ лѣтъ не можетъ не быть основною задачею русской исторической географіи по самому значенію, въ ряду источниковъ древнѣйшей нашей исторіи, этого памятника, который впервые выясняетъ понятіе о *Русской землѣ*. Такъ и понялъ свою задачу г. Барсовъ: въ предисловіи къ изданному изслѣдованію онъ именно говоритъ, что книга его имѣетъ цѣлью „не полное, всестороннее изложеніе исторической географіи Руси въ эпоху начальной лѣтописи, но главнымъ образомъ разъсненіе только тѣхъ вопросовъ этого обширнаго предмета, которые ставитъ сама лѣтопись, и потому ограничивается разборомъ географическаго матеріала, который она представляетъ“ (стр 9).

Цѣли своихъ изысканій авторъ достигаетъ слѣдующимъ образомъ: Въ I-й главѣ онъ говоритъ вообще о начальной лѣтописи, какъ о „географическомъ источникѣ“, описываетъ міръ, извѣстный лѣтописи, и затѣмъ, сосредоточивая свое вниманіе на ея извѣстіяхъ о восточно-европейской равнинѣ, очерчиваетъ устройство поверхности этой равнины, перечисляетъ рѣки, ее орошающія, и указываетъ на ихъ значеніе, какъ путей передвиженія при ея заселеніи. Во II-й главѣ авторъ касается географической связи между разнороднымъ населеніемъ восточно-европейской равнины и опредѣляетъ общія этнографическія

понятія лѣтописца, перечисляетъ извѣстныя ему народныя групы Афетовой части и затѣмъ входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе тѣхъ изъ названныхъ групъ, которыя заселяли восточно-европейскую равнину. Такимъ образомъ подробно разсмотрѣны: во второмъ отдѣлѣ II-й главы Литва, въ главѣ III-й—Чудь, а въ слѣдующихъ главахъ, отъ IV-й до VIII-й (послѣдней) включительно, Русскіе Славяне, при чемъ относительно каждаго племени литовскаго, финскаго или русско-славянскаго, напримѣръ, Ятвяговъ, Заволочской Чуди, Кривичей и т. д., авторъ старается отмѣтить предѣлы его разселенія и обитаемые имъ поселки, и сверхъ того, относительно русско-славянскихъ племенъ опредѣляетъ еще границы образовавшихся изъ нихъ княженій и спеціально говоритъ (въ главѣ IV-й) о разныхъ видахъ славянскихъ населенныхъ мѣстъ и объ особенностяхъ поселковъ порубежныхъ.

Изъ этого краткаго, но возможно точнаго обзора содержанія труда г. Барсова видно, что его изслѣдованіе имѣетъ двойственное отношеніе къ начальной лѣтописи, то-есть, съ одной стороны, разсматриваетъ ее какъ памятникъ географическихъ свѣдѣній извѣстной эпохи, а съ другой—пользуется уже этими данными, чтобъ изъ свода ихъ составить географическую картину Руси, современной начальной лѣтописи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что оба эти результата прямо и непосредственно вытекаютъ изъ намѣреній автора и объясняются цѣлью, которую онъ себѣ избралъ. Но нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что г. Барсовъ не провелъ достаточно опредѣленной грани между этими двумя категоріями своихъ разысканій, изъ которыхъ каждая имѣетъ самостоятельный интересъ. Намъ кажется, что автору непремѣнно слѣдовало выдѣлить въ одно цѣлое всѣ свои замѣчанія о Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ о памятникѣ географическихъ свѣдѣній. Такого рода введеніе пролило бы большой свѣтъ на всю остальную работу его, представивъ критическую оцѣнку ея основнаго матеріала, и вмѣстѣ съ тѣмъ, составило бы, само по себѣ, весьма любопытную страницу изъ не написанной еще исторіи географическихъ познаній на Руси. Между тѣмъ, по нынѣшнему плану сочиненія, замѣчаніямъ этого рода хотя и отведено значительное мѣсто въ I-й главѣ, предметъ этотъ здѣсь не изчерпывается, и авторъ возвращается къ нему въ слѣдующихъ главахъ. Высказываемое нами желаніе тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что въ новѣйшее время было заявлено и подтверждено убѣдительными доказательствами мнѣніе о наклонности составителя начальной лѣтописи къ тенден-

ціознымъ умствованіямъ. Въ виду такого мнѣнія тщательное разсмотрѣніе состава и источниковъ географическихъ извѣстій Повѣсти временныхъ лѣтъ не можетъ быть сочтено за излишнее.

Признавая, такимъ образомъ, весьма важнымъ предварительную оцѣнку начальной лѣтописи въ смыслѣ памятника русскихъ географическихъ свѣдѣній XI—XII вѣковъ, мы считаемъ полезнымъ разсмотрѣть въ совокупности хотя бы тѣ замѣчанія по этому предмету, которыя находятся въ книгѣ г. Барсова, и уже послѣ того перейдемъ къ обзору остальныхъ частей этого труда, относящихся собственно къ географіи древней Руси.

Въ самомъ началѣ своего сочиненія г. Барсовъ высказываетъ раздѣляемое большинствомъ современныхъ ученыхъ мнѣніе, что „начальная лѣтопись есть не что иное, какъ лѣтописный сводъ, составленный изъ отдѣльныхъ сказаній, замѣтокъ, офиціальныхъ документовъ и мѣстныхъ извѣстій“ (стр. 3). Но въ этомъ обстоятельствѣ почтенный изслѣдователь видитъ и неудобство для ученыхъ изысканій. „Въ этой массѣ разнообразныхъ и разъединенныхъ фактовъ“, говоритъ онъ, „личность лѣтописца теряется. Изслѣдователь не имѣетъ возможности судить ни о его подготовкѣ, ни о средствахъ, которыми онъ располагалъ для своего труда. Этотъ важный пробѣлъ представляетъ значительныя затрудненія, между прочимъ, и для изученія лѣтописной географіи. Имѣя дѣло съ лѣтописнымъ трудомъ одного человѣка, было бы возможно пріурочить открывающійся въ немъ кругъ географическихъ знаній къ опредѣленному времени и мѣсту, и отдѣливъ то, что̀ лѣтописецъ могъ почерпнуть изъ народнаго преданія и письменныхъ источниковъ, отъ того, что̀ онъ зналъ по личнымъ наблюденіямъ, что̀ принадлежитъ собственно ему,—тѣмъ самымъ съ большею точностью возстановить географическій кругозоръ времени, въ которое онъ жилъ. Теперь же приходится имѣть дѣло съ разновременными географическими данными весьма продолжительной эпохи, обнимающей слишкомъ два съ половиною столѣтія“ (стр. 4).

На нашъ взглядъ затрудненія, указываемыя г. Барсовымъ, нѣсколько преувеличены. Какъ бы ни было несомнѣнно, что начальная лѣтопись есть памятникъ, постепенно сложенный усердіемъ нѣсколькихъ списателей, трудившихся въ разныхъ мѣстахъ,—тѣмъ не менѣе содержаніе этого древнѣйшаго изъ сохранившихся до насъ лѣтописныхъ сводовъ нельзя считать совершенно лишеннымъ цѣльности. Поэтому одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей нашей начальной лѣ-

тописи, г. Бестужевъ-Рюминъ, отрицая возможность смотрѣть на Повѣсть временныхъ лѣтъ, какъ на произведеніе цѣльное по своему составу, въ то же время основательно допускаетъ присутствіе въ немъ одного общаго воззрѣнія: „То", говоритъ онъ, — „что̀ до сихъ поръ считалось взглядами извѣстнаго лѣтописца, теперь скорѣе можно признавать взглядомъ книжниковъ цѣлой эпохи" [1]). Это замѣчаніе вполнѣ приложимо и къ географическимъ извѣстіямъ лѣтописи. Внимательное разсмотрѣніе ихъ убѣждаетъ насъ, что въ этихъ извѣстіяхъ излагаются факты общеизвѣстные въ свое время, совокупность которыхъ опредѣленно представляетъ географическій кругозоръ просвѣщенныхъ людей конца XI и начала XII вѣка. Цѣльность географическихъ понятій лѣтописи подтверждается изслѣдованіемъ самого г. Барсова: между тѣмъ какъ хронологическія противорѣчія въ Повѣсти временныхъ лѣтъ давно уже были указываемы изслѣдователями, автору „Географіи начальной лѣтописи" не пришлось отмѣтить ни одного разногласія или противорѣчія географическаго ни при сличеніи и объясненіи частныхъ лѣтописныхъ указаній, ни при разборѣ вступленія Повѣсти, представляющаго столь богатый матеріалъ для характеристики общихъ географическихъ понятій этого драгоцѣннаго памятника [2]).

Какъ и слѣдовало ожидать, г. Барсовъ обращаетъ особенное вниманіе на эту вводную часть начальной лѣтописи. Обозначивъ предѣлы извѣстнаго ей міра, г. Барсовъ особенно подробно разсматриваетъ перечень земель и народовъ, находящійся въ началѣ Повѣсти, послѣ извѣстія о раздѣленіи земли на три жребія между сыновьями Ноевыми: „Внимательное разсмотрѣніе связи, въ которой стоитъ этотъ перечень къ общему ходу лѣтописнаго разказа", говоритъ г. Барсовъ, — „при-

---

[1]) О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка, стр. 59.

[2]) Нѣкоторое противорѣчіе можетъ быть усмотрѣно между представленіемъ Варяжскаго моря въ началѣ лѣтописи и извѣстіемъ Гюряты Роговича о Сѣверномъ океанѣ подъ 1096 годомъ (П. С. Р. Л., I, стр. 107). Но г. Барсовъ (прим. 23) и въ данномъ случаѣ указываетъ только на неясность, а не на противорѣчіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи настоящихъ замѣтокъ мы коснемся времени образованія нѣкоторыхъ частей географическаго перечня въ началѣ лѣтописи. Противорѣчіями нельзя считать и такіе случаи, когда одно мѣсто лѣтописи пополняется и объясняется другимъ: это — обстоятельство, неизбѣжное въ сочиненіи не спеціально географическомъ, но въ то же время богатомъ географическими данными.

водитъ, однако, къ мысли, что онъ внесенъ въ Повѣсть позднѣе, и что въ ея первоначальной, для насъ утраченной, редакціи его могло и не быть. Онъ не только не вызывается задачею Повѣсти, такъ ясно выраженною въ заглавіи, но и противорѣчитъ послѣдовательности разказа" (стр. 5). Эту догадку г. Барсовъ подтверждаетъ указаніемъ на то обстоятельство, что вслѣдъ за перечнемъ разныхъ земель и народовъ говорится о существованіи одного языка, о столпотвореніи Вавилонскомъ и о раздѣленіи языковъ, когда въ племени Афетовомъ произошли и „Норци, еже суть Словѣне". „Очевидно", заключаетъ изслѣдователь,— „что эта замѣтка и предшествующій ей перечень исключаютъ другъ друга, при чемъ или замѣтку, или перечень надо признать позднѣйшею вставкой, и конечно, скорѣе всего подробный перечень, такъ какъ краткая замѣтка составляетъ естественный приступъ Повѣсти къ разказу, и безъ нея Повѣсть, не смотря на перечень, все-таки не имѣла бы начала. Тѣмъ не менѣе нельзя отказать перечню въ весьма раннемъ происхожденіи. Уже то обстоятельство, что онъ встрѣчается почти во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ начальной лѣтописи, даетъ поводъ думать, что онъ внесенъ въ нее первымъ составителемъ свода, можетъ быть, игуменомъ Сильвестромъ, а продолженіе его, описаніе западной и особенно сѣверо-восточной Европы, могло возникнуть не позже XI или начала XII вѣка" (стр. 5—6).

Трудно, однако, согласиться съ этою догадкой о вставкѣ перечня. Извѣстно, что одна изъ составныхъ частей его, исчисленіе восточныхъ и полуденныхъ странъ, внесена въ лѣтопись изъ Временника Георгія Амартола (ср. у г. Барсова стр. 6—7 и примѣчанія 7 и 8); но такъ какъ этотъ хронографъ есть вообще одинъ изъ главныхъ источниковъ нашей начальной лѣтописи, и такъ какъ вставки изъ него встрѣчаются неоднократно въ разныхъ мѣстахъ ея, то очевидно, составленіе перечня, съ цитатой изъ Амартола, принадлежитъ тому же лицу, которое составляло и всю остальную лѣтопись въ нынѣшнемъ ея видѣ, и притомъ, пользовалось столь цѣннымъ для него византійскомъ временникомъ. Что же касается нѣкотораго, замѣчаемаго г. Барсовымъ, разногласія между перечнемъ и непосредственно послѣ него помѣщеннымъ въ лѣтописи разказомъ о первоначальномъ единствѣ человѣческаго языка, о столпотвореніи Вавилонскомъ и о раздѣленіи народовъ, то очевидно, разногласіе это произошло вслѣдствіе того, что лѣтописецъ желалъ пополнить свѣдѣнія Амартола о смѣшеніи языковъ нѣкоторыми подробностями о томъ же предметѣ изъ Палеи, между прочимъ, цифрой образовавшихся язы-

ковъ—72, которой Амартолъ не упоминаетъ, но сдѣлалъ пополненіе не совсѣмъ искусно [1]).

Обращаясь ко второй части перечня, заключающей въ себѣ описаніе восточной и западной Европы, г. Барсовъ очень вѣрно отмѣчаетъ отличія этой части отъ той, которая основана на книжномъ источникѣ византійскаго происхожденія. Онъ признаетъ, что это описаніе относительно восточной Европы основывается на непосредственномъ наблюденіи или на разказахъ очевидцевъ, а относительно Европы западной—на народномъ преданіи. При этомъ авторъ, слѣдуя Карамзину и особенно Шегрену [2]), полагаетъ, что представляемая лѣтописью картина разселенія племенъ въ восточной Европѣ принадлежитъ концу XI и началу XII вѣка, а съ другой стороны, указывая, что въ описаніи западной Европы „лѣтописецъ ограничивается ея побережьями и называетъ только племена, живущія вдоль береговъ внутреннихъ морей и Атлантическаго океана" (стр. 8), авторъ усвоиваетъ мнѣніе профессора И. Д. Бѣляева, высказанное въ статьѣ „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи" [3]), что свѣдѣнія такого рода „могли быть получены (Русскими) только отъ Норманновъ, которымъ, какъ извѣстно, были близко знакомы европейскія побережья, съ VIII вѣка посѣщаемыя ими для торговли, а больше для грабежа и разбоевъ, но которые мало знали внутреннія земли Европы, поднимаясь въ глубину ихъ довольно рѣдко, по теченію только значительнѣйшихъ рѣкъ" (стр. 8). Если принять такое происхожденіе лѣтописныхъ свѣдѣній о западной Европѣ, то конечно принесеніе ихъ на Русь нельзя пріурочить ко времени позже конца

---

[1]) Сличеніе соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ Амартола, Палеи и Повѣсти временныхъ лѣтъ см. у г. *Сухомлинова*: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ» въ *Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности*, стр. 63 и 64 По справедливому замѣчанію г. Сухомлинова, «сличеніе трехъ текстовъ любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ отчасти на способъ, какимъ лѣтописецъ нашъ пользовался различными источниками, бывшими у него подъ рукою».

[2]) *Карамзинъ*, Ист. Госуд. Росс., I (изд. *Эйнерлинга*), стр. 23: «Многіе изъ сихъ финскихъ и латышскихъ народовъ, по словамъ Нестора, были данниками Россіянъ: должно разумѣть, что *лѣтописецъ говоритъ уже о своемъ времени, то-есть объ XI вѣкѣ*, когда предки наши овладѣли почти всею Россіей Европейскою». Ср. *J. A. Sjögren's* Gesammelte Schriften, I, 483—485. Шегренъ находитъ зародышь этой мысли еще у Шлецера, и въ свою очередь, развиваетъ намекъ Карамзина въ примѣненіи къ финскому племени Еми. Ср. у г. *Барсова* прим. 11.

[3]) *Записки Имп. Р. Геогр. Общества*, VI, стр. 2—4.

X вѣка. Но въ такомъ случаѣ свѣдѣнія лѣтописнаго перечня о западѣ и востокѣ Европы представятъ два слоя различные въ хронологическомъ отношеніи. А такъ какъ подобнаго разслоенія допустить нельзя вслѣдствіе той тѣсной связи, въ которой перечень излагаетъ описаніе обѣихъ названныхъ частей Европы, то выйдти изъ указаннаго хронологическаго разногласія можно только отвергнувъ мнѣніе Шегрена и признавъ, вмѣстѣ съ И. Д. Бѣляевымъ, что описаніе восточной Европы въ перечнѣ представляетъ ее въ эпоху болѣе раннюю, чѣмъ конецъ XI и начало XII вѣка. Въ пользу этой послѣдней догадки можно привести нѣсколько доказательствъ—частью изъ самой книги г. Барсова. Такъ, напримѣръ, онъ справедливо указываетъ, что племенныя названія Русскихъ Славянъ большею частью утратились уже въ началѣ XII вѣка, а между тѣмъ въ перечнѣ они имѣютъ весьма живой смыслъ. Съ другой стороны, самая бѣдность свѣдѣній перечня о западной Европѣ, въ особенности о центральной части ея материка, никакъ не можетъ соотвѣтствовать той эпохѣ, къ которой пріурочивается перечень Шегреномъ: принимая въ соображеніе извѣстія о бракахъ дочерей Ярослава и о торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ Руси съ Германіей и сѣверо-западными Славянами въ XI и XII вѣкахъ, нельзя не думать, что въ эпоху составленія начальной лѣтописи на Руси знали о континентальной Европѣ больше, чѣмъ сколько даетъ лѣтописный перечень [1]).

Такимъ образомъ, изъ вышеизложеннаго видно, что соображенія г. Барсова какъ о времени составленія перечня, такъ и объ отношеніи его къ прочимъ частямъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, не во всѣхъ частяхъ могутъ быть признаны вполнѣ основательными. Тѣмъ не менѣе, мы съ полнымъ сочувствіемъ относимся къ намѣренію, которое руководило почтеннымъ авторомъ въ анализѣ этого космографическаго параграфа начальной лѣтописи, и отдаемъ полную справедливость отдѣльнымъ его замѣчаніямъ по этому предмету. Такъ, онъ весьма удачно и обстоятельно развиваетъ высказанную еще С. М. Соловьевымъ мысль о томъ, что по представленію лѣтописи, Варяжское (Балтійское) море имѣетъ протяженіе съ запада на востокъ

[1]) Если справедливо мнѣніе Круга, что упоминаемые въ лѣтописномъ перечнѣ «Корлязи» означаютъ французскихъ Каролинговъ, или точнѣе говоря, ихъ владѣнія, то это служитъ новымъ доказательствомъ въ пользу того, что извѣстія перечня относительно западной Европы не относятся къ концу XI в., а восходятъ къ X: династія Каролинговъ прекратилась во Франціи въ 987 г., а въ Германіи — еще раньше, въ 911 году.

(стр. 10 — 12). По указанію г. Барсова, точно также представляли себѣ Балтійское море и нѣкоторые западные писатели XI и XII вѣковъ, и еще чаще—арабскіе географы XI—XIII столѣтій. Въ дополненіе къ этимъ сближеніямъ можно указать, что такое же представленіе Балтійскаго моря въ связи съ океаномъ, омывающимъ сѣверные берега обитаемаго материка, подтверждается весьма наглядно картами того времени, и въ особенности, англо-саксонскою картою X вѣка, которая находится въ Британскомъ музеѣ и издана, между прочимъ, у Лелевеля и Вивіена де-Сенъ-Мартена [1]).

Къ сожалѣнію, разборомъ перечня странъ и народовъ, стоящаго во главѣ введенія къ Повѣсти временныхъ лѣтъ, г. Барсовъ ограничиваетъ, въ I-й главѣ своего сочиненія, изслѣдованія свои о составѣ и характерѣ географическихъ извѣстій этой, какъ мы уже замѣтили, особенно важной въ настоящемъ случаѣ части лѣтописнаго свода. Сообщая весьма мало указаній по этому предмету и въ другихъ главахъ своего труда, авторъ, такимъ образомъ, обходитъ своею критикой нѣсколько историко-географическихъ замѣтокъ лѣтописнаго введенія, которыя слѣдуютъ въ немъ непосредственно за перечнемъ и примыкающимъ къ нему разказомъ о смѣшеніи языковъ, и правильное уразумѣніе которыхъ существенно важно для характеристики какъ пріемовъ лѣтописи въ дѣлѣ изложенія фактовъ, такъ и общихъ понятій лѣтописцевъ въ области географическихъ знаній.

Какъ извѣстно, г. Гедеоновъ, въ своихъ „Изслѣдованіяхъ о Варяжскомъ вопросѣ“, весьма остроумно указалъ на наклонность составителя начальной лѣтописи къ псевдо-критическимъ умствованіямъ и намѣренной систематизаціи [2]). Г. Куникъ, въ свою очередь, усвоилъ себѣ въ значительной мѣрѣ этотъ взглядъ на нашего старѣйшаго лѣтописца, и въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу рецензіи г. Погодина на изслѣдованіе г. Гедеонова, съ этой точки зрѣнія обращаетъ вниманіе на одно изъ тѣхъ мѣстъ историко-географическаго содержанія, изъ введенія къ лѣтописи, которыя, какъ мы замѣтили выше, не подвергнуты критическому разсмотрѣнію у г. Барсова. Въ указываемомъ почтеннымъ академикомъ параграфѣ лѣтописи идетъ рѣчь объ

[1]) *Lelewel*, Géographie du moyen age, atlas, pl. VI; *Vivien de Saint-Martin*, Atlas dressé pour l'histoire de la géographie et des découvertes géographiques, pl. VI.

[2]) Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ, *С. А. Гедеонова*, стр. 46—53.

изгнаніи Славянъ съ Дуная Волохами (Дакороманами или Румынами) и о послѣдовавшемъ затѣмъ разселеніи разныхъ вѣтвей Славянства въ центральной, и частью, восточной Европѣ. „Въ этомъ мѣстѣ", говоритъ г. Куникъ, — „въ полномъ блескѣ высказывается у Нестора охота систематизировать, хотя она, можетъ быть, навѣяна на него со стороны. Какіе рѣзкіе анахронизмы допускаетъ онъ здѣсь со всею наивностью. Откуда взялъ онъ свое извѣстіе объ изгнаніи Славянъ съ Дуная Волъхами? Допуская въ основаніи этого извѣстія дѣйствительно народное преданіе, его нельзя бы было относить къ древнему, хронологически едва ли опредѣлимому, переселенію Славянъ (и ихъ близкихъ сродниковъ — Пруссовъ, Литовцевъ и Латышей) изъ Азіи на сѣверъ Европы: по высшей мѣрѣ въ этомъ преданіи можно было бы признать слѣдъ воспоминанія объ оттѣсненіи на сѣверъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, выдвинувшимися къ югу, (ѳракійскими) Даками и Дакороманами со временъ Траяна. Завоеваніе Дакіи Римлянами должно было произвести въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ движеніе народовъ и долго могло бы оставаться хотя въ темномъ воспоминаніи у Славянъ. Но теперь можно смѣло утверждать, что раздѣленіе Славянъ на двѣ главныя вѣтви должно было произойдти на сѣверо-востокѣ Европы за долго до Траяна" [1]). Указывая притомъ, что лѣтопись наша не знаетъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ древнѣйшихъ судебъ Славянъ, совершившихся уже на глазахъ исторіи, каковы движенія Чеховъ и Морававъ изъ южной Польши къ западу по паденіи Гуннской державы, или переходъ Хорватовъ и Сербовъ въ ихъ задунайскія жилища изъ закарпатскихъ въ VII вѣкѣ, — г. Куникъ отрицаетъ возможность выводить сказаніе о Волохахъ, вытѣснившихъ Славянъ съ Дуная, изъ *народнаго преданія*, но за то допускаетъ, что „до Нестора могло дойдти *ученое мнѣніе*, происшедшее изъ примѣненія извѣстій классическихъ писателей къ Славянамъ", и что слова нашей лѣтописи суть „лишь отголосокъ ложной Краковской учености XI вѣка" [2]). „Если же", заключаетъ ученый академикъ, — „Несторъ хоть разъ позволилъ себѣ вымышлять исторію вмѣсто того, чтобы передавать извѣстные ему факты, то онъ также принадлежитъ къ категоріи историческихъ писателей, какъ Кадлубекъ и комп., и изслѣдователь имѣетъ достаточную причину и въ другихъ

---

[1]) Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси, *М. Погодина*. — Замѣчанія *А. Куника*, 54—55.

[2]) Тамъ же, стр. 57 и 56.

его разказахъ выдѣлять то, въ чемъ болѣе или менѣе отражается дѣйствіе его фантазіи" [1]).

Нѣтъ, кажется, надобности распространяться о научной важности заявленныхъ гг. Гедеоновымъ и Куникомъ мнѣній относительно наклонности составителя начальной лѣтописи къ систематизаціи; достаточно напомнить, что новѣйшія изслѣдованія какъ о составѣ самой лѣтописи (г. Бестужева-Рюмина), такъ и по варяжскому вопросу (г. Иловайскаго), уже носятъ на себѣ, хотя бы отчасти, слѣдъ этой идеи. Между тѣмъ, г. Барсовъ вовсе не принимаетъ въ соображеніе плодотворную мысль г. Гедеонова при сужденіи о составѣ лѣтописныхъ географическихъ извѣстій вообще, да и въ частности, по вопросу о народности Волоховъ и объ ихъ нашествіи, будто бы двинувшемъ Славянъ съ Дуная къ сѣверу, высказываетъ (въ главѣ IV-й своей книги) мнѣніе, весьма далекое отъ вышеизложенныхъ соображеній г. Куника. Нашествіе Волоховъ на Дунай есть для г. Барсова событіе „извѣстное" (стр. 59), именно—„совершившееся въ VI вѣкѣ до Р. Х. движеніе Кельтовъ съ запада въ Иллирію и Паннонію и борьба, которую они начали тамъ съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ" (стр. 63). Вслѣдствіе этой борьбы, значительная часть дунайскихъ Славянъ выселилась на сѣверъ отъ Карпатъ и нашла себѣ пріютъ у Славянъ поднѣпровскихъ, повислянскихъ и полабскихъ. Преданіе объ этой борьбѣ, а равно и о давнемъ пребываніи на берегахъ тихаго Дуная, хранилось среди Славянъ, измѣнившись, однако, въ томъ отношеніи, что подъ именемъ Волоховъ стали въ немъ разумѣть не Кельтовъ уже, а Италіанцевъ. Какъ бы то ни было, изъ этого народнаго преданія, основаннаго на извѣстномъ историческомъ событіи, наша начальная лѣтопись извлекла свое краткое извѣстіе. Такъ излагаетъ дѣло г. Барсовъ, заимствуя это воззрѣніе изъ „Славянскихъ древностей" Шафарика, который посвятилъ вопросу о нашествіи Волоховъ подробное изслѣдованіе [2]). Однако, какъ бы ни былъ великъ авторитетъ знаменитаго чешскаго ученаго, позднѣйшая критика отнеслась къ заключеніямъ его на столько строго, что г. Куникъ, въ упомянутой статьѣ своей (стр. 56), могъ выразиться о томъ слѣдующимъ образомъ: „Попытка Шафарика исторически связать (Несторовыхъ) Волоховъ (въ значеніи Кельтовъ) съ Славянами до Р. Х. оказалась

---

[1]) Тамъ же, стр. 57.

[2]) Слав. Древности, переводъ *О. Бодянскаго*, изд. 2-е, т. I, кн. 1-я, стр. 377—406.

рѣшительно неудачною, какъ показалъ уже Витерсгеймъ (*Witersheim.* Zur Vorgeschichte deutscher Nation. Leipzig, 1852, стр. 97—105)" [1]). Вслѣдствіе такого различія ученыхъ толкованій, нельзя не пожалѣть, что г. Барсовъ счелъ возможнымъ принять одно изъ нихъ безъ всякаго вниманія къ другому.

Въ выше названной статьѣ г. Куника мы находимъ указаніе и на другой примѣръ наклонности составителя начальной лѣтописи къ произвольнымъ умствованіямъ, примѣръ, впрочемъ, тѣсно связанный съ первымъ: „Его (Несторово) сказаніе", говоритъ г. Куникъ,—„о поселеніи разныхъ славянскихъ племенъ на Днѣпрѣ, на Полотѣ, на озерѣ Ильменѣ и т. д. есть не что иное, какъ умствованіе, истолкованіе именъ этихъ племенъ" [2]). Г. Барсовъ также дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ относительно свидѣтельства лѣтописи о первоначальномъ разселеніи Славянъ на восточно-европейской равнинѣ; впрочемъ, при этомъ нашъ авторъ имѣетъ въ виду не вышеприведенныя слова г. Куника, а замѣчаніе г. Соловьева, въ главѣ III-й тома I-го его „Исторіи Россіи", что три, находящіеся въ лѣтописи, послѣдовательные перечня Русскихъ Славянъ, пополняющіе одинъ другой, какъ-бы указываютъ на порядокъ и постепенность размѣщенія восточныхъ Славянъ на занятыхъ ими сельбищахъ. Противъ этой догадки, также предполагающей своего рода систематизмъ въ изложеніи нашей начальной лѣтописи, г. Барсовъ справедливо и доказательно замѣчаетъ, что перечни не только пополняютъ другъ друга, но отчасти и противорѣчатъ одинъ другому (примѣч. 104); такое обстоятельство, по мнѣнію нашего изслѣдователя, объясняется какъ позднѣйшими передѣлками, коимъ подвергалась Повѣсть временныхъ лѣтъ, такъ и безыскуственностью ея изложенія, устраняющею мысль о томъ, что лѣтописецъ намѣренно далъ постепенное развитіе сообщаемымъ имъ перечнямъ (стр. 61).

---

[1]) Противъ мнѣнія Шафарика о томъ, что извѣстіе Повѣсти временныхъ лѣтъ намекаетъ на столкновеніе Славянъ съ Кельтами или Галлами въ IV в. до Р. Х., представилъ еще основательныя возраженія и Ф. К. Брунъ въ статьѣ своей «О родствѣ Гетовъ съ Даками и Румыновъ съ Римлянами», помѣщенной въ *Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей*, VII, отд. I, стр. 107. Но г. Брунъ, подобно И. И. Срезневскому (въ его рецензіи на сочиненіе Миклошича о румынскомъ языкѣ, *Извѣстія Академіи Наукъ по Отд. р. яз. и слов.*, X, 144—146), признаетъ, что извѣстіе русской лѣтописи имѣетъ въ виду войны Римлянъ, во время Траяна, съ Даками.

[2]) Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси, *М. Погодина.* — Замѣчанія *А. Куника*, стр. 57.

Между тѣмъ какъ болѣе подробное разсмотрѣніе лѣтописнаго сказанія о Волохахъ и о разселеніи Славянъ съ Дуная полнѣе раскрыло бы нашему автору - всегда ли можно считать показанія лѣтописи свободными отъ преднамѣренной систематизаціи, болѣе тщательное разсмотрѣніе заимствованій лѣтописи изъ Византійцевъ значительно пополнило бы представляемую авторомъ характеристику общихъ географическихъ понятій лѣтописи.

Въ началѣ II-й главы своего изслѣдованія г. Барсовъ знакомитъ насъ съ этнографическими воззрѣніями начальной лѣтописи. „Вообще населеніе Афетовой части", говоритъ онъ,—„начальная лѣтопись раздѣляетъ на *языки* (племена въ обширномъ смыслѣ), а языки—на *роды*. Какъ и слѣдуетъ ожидать, въ основаніе этого дѣленія не положено ясно опредѣленнаго начала. Родовыя названія извѣстной групы племенъ имѣютъ отчасти этнографическое или политическое значеніе, то-есть, придаются племенамъ или по ихъ національному сродству между собою, или по ихъ географическому и политическому распредѣленію. Въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ смыслъ названій собирательныхъ. Съ другой стороны, родовое имя цѣлаго народа употребляется иногда для обозначенія одного какого-либо племени его. Причины такой неопредѣленности въ понятіяхъ слѣдуетъ искать отчасти въ сборномъ характерѣ, которымъ вообще отличаются наши лѣтописи. Каждый, вносившій свою долю въ составъ ея, имѣлъ свой взглядъ на народности, свое этнографическое пониманіе, а позднѣйшіе составители свода заботились только о томъ, чтобы придать своему труду внѣшнее (хронологическое) единство, вовсе не думая о единствѣ внутреннемъ" (стр. 28).

Эти соображенія г. Барсова показываютъ, что онъ придаетъ мало значенія этнографическимъ опредѣленіямъ лѣтописи и считаетъ ея понятія о племенахъ и народахъ весьма смутными. Мы, конечно, не станемъ доказывать, что составитель начальной лѣтописи имѣлъ научно точныя этнографическія воззрѣнія; но не можемъ не замѣтить и того, что высказанное г. Барсовымъ мнѣніе можетъ быть принято только съ ограниченіями, и что, съ другой стороны, представляемая имъ характеристика этнографическихъ понятій лѣтописи можетъ быть въ нѣкоторой мѣрѣ пополнена. Самъ г. Барсовъ, при разборѣ космографическаго очерка, которымъ открывается лѣтопись, весьма вѣрно отмѣтилъ различіе, существующее между двумя ея частями—заимствованною изъ византійскаго источника и самобытнорусскою, взятою изъ народнаго преданія: „Тогда какъ въ греческомъ

отрывкѣ мы имѣемъ почти исключительно названія *областей*, здѣсь (въ самостоятельной части перечня) говорится только *о народахъ и племенахъ*" (стр. 7). Ужь эта особенность русской части перечня ясно показываетъ, что сознанію лѣтописца доступнѣе были понятія о естественныхъ, физіологическихъ групахъ людей—племенахъ и народахъ, чѣмъ о групахъ искусственныхъ—государствахъ и ихъ территоріальныхъ подраздѣленіяхъ. Но кромѣ того, въ самой лѣтописи мы находимъ доказательства и тому, что лѣтописецъ довольно отчетливо разумѣлъ—чѣмъ, какими признаками одинъ народъ можетъ отличаться отъ другаго, и что въ уразумѣніи этихъ признаковъ ему помогли, съ одной стороны, его византійскій источникъ, а съ другой—непосредственныя столкновенія Русскихъ съ иноплеменниками. Разказавъ о брачныхъ и погребальныхъ обычаяхъ нѣкоторыхъ русско-славянскихъ племенъ, и между прочимъ—объ обычаѣ Вятичей сожигать тѣла умершихъ, лѣтописецъ прибавляетъ: „Си же творяху обычая Кривичи, прочии поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ", и вслѣдъ затѣмъ продолжаетъ еще: „Глаголеть Георгій въ лѣтописаньи: ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи; зане безаконьникомъ отечьствіе мнится". (Слѣдуетъ описаніе обычаевъ Сиріянъ, Бактріянъ и пр.)[1]). Это мѣсто лѣтописи вмѣстѣ съ относящимся къ нему заключеніемъ о Половцахъ, которые „законъ держать отець своихъ", въ противоположность единому закону христіанъ,—свидѣтельствуетъ, что лѣтописецъ понималъ обычай, какъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ народности. „Въ наше время", замѣчаетъ по поводу приведеннаго мѣста г. Сухомлиновъ, въ своемъ историко-литературномъ изслѣдованіи о Повѣсти временныхъ лѣтъ,—„было бы излишне доказывать или объяснять общеизвѣстную истину, подобную той, что у всякаго народа свои обычаи, но въ XI—XII вѣкѣ, когда этнографическими свѣдѣніями обладали немногіе, писатель, убѣжденный въ необходимости христіанскаго закона, могъ найдти нужнымъ, описывая образъ жизни своего народа, независимый отъ закона вѣры, привести извѣстія о другихъ народахъ, не знающихъ закона Божія и живущихъ по своимъ стародав-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, стр. 6. Невѣрность перевода въ словѣ «отечьствіе» вмѣсто *обычаи отеческіе* указана г. Сухомлиновымъ въ его изслѣдованіи «о древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ», въ *Учен. Запискахъ Академіи Наукъ по Отд. р. яз. и слов.*, II, отд. III, стр. 88.

нимъ обычаямъ“ [1]). Что касается другаго характерпстическаго признака народности—языка, то достаточно припомнить постоянное употребленіе этого слова лѣтописью въ двоякомъ смыслѣ—рѣчи народной и самого народа (какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, встрѣчающихся на первыхъ страницахъ Повѣсти: „на Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь... по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морьдва свой языкъ. Се бо токмо Словѣнескъ языкъ на Руси: Поляне, Деревляне... А се суть иніи языци, иже дань дають Руси: Чудь, Меря...; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живуть въ странахъ полунощныхъ“; или: „А Словѣнескъ языкъ и Рускый единъ“ [2]),—чтобъ убѣдиться, что въ немъ заключается для лѣтописца опредѣленное этнографическое значеніе. Въ этомъ отношеніи понятія нашего лѣтописца, выработанныя притомъ самостоятельнымъ путемъ, были значительно выше, чѣмъ, напримѣръ, воззрѣніе древнихъ Грековъ, долгое время представлявшихъ себѣ всѣ чуждые имъ народы въ видѣ одной безразличной групы варваровъ, къ языку которыхъ Эллинъ относился съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ [3]).

Если, съ одной стороны, г. Барсовъ недостаточно оцѣнилъ эти трезвыя понятія нашей лѣтописи о важнѣйшихъ признакахъ народности, то съ другой—онъ не счелъ нужнымъ распространяться и о томъ баснословномъ элементѣ, который проглядываетъ въ свѣдѣніяхъ лѣтописца о нѣкоторыхъ изчезнувшихъ или мало знакомыхъ ему народахъ. Полагаемъ однако, что указаніе на приводимыя лѣтописью преданіе о гордыхъ великанахъ Обрахъ [4]) и пословицу о нихъ, существовавшую, впрочемъ, и у Византійцевъ IX вѣка [5]), а также на сказаніе о происхожденіи Половцевъ и другихъ степныхъ народовъ и о дикихъ обитателяхъ Зауралья, въ которыхъ лѣтописецъ, слѣдуя Меѳодію Патарскому, узналъ людей, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, было бы весьма характеристическою чертою въ объясненіи круга географическихъ извѣстій нашей лѣтописи.

---

[1]) *Уч. Зап. Ак. Наукъ по Отд. р. яз. и слов.*, II, отд. III, стр. 159.

[2]) П. С. Р. Л., I, стр. 5 и 12; сравн. тамъ же, 107: «Югра людье есть языкъ нѣмъ».

[3]) *Max Müller*, La science du langage, trad. par *G. Perrot* et *G. Harris* (P. 1864), p. 90.

[4]) Ср. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, *Ѳ. И. Буслаева*, I, 27 и 123.

[5]) Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ, *С. А. Гедеонова*, стр. 48.

Наконецъ, не выходя изъ области вопросовъ о Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ памятникѣ географическихъ свѣдѣній, намъ остается указать еще на двѣ замѣтки г. Барсова. Въ противоположность всѣмъ доселѣ разсмотрѣннымъ мнѣніямъ почтеннаго изслѣдователя, замѣтки эти касаются не столько свободнаго отъ хронологической нити введенія къ Повѣсти, сколько той ея части, которая представляетъ погодныя записки. Въ этомъ обширнѣйшемъ отдѣлѣ лѣтописи географическія свѣдѣнія хотя и многочисленны, но какъ извѣстно, излагаются не въ той цѣльности, какъ во введеніи, а случайно, эпизодически. Понятно, что и изслѣдователю предстоялъ нелегкій трудъ сгрупировать ихъ въ одно цѣлое, прежде чѣмъ сдѣлать какіе-либо выводы о свойствѣ этихъ свѣдѣній. Такъ и поступилъ г. Барсовъ. Въ заключеніе же географической картины финскаго сѣвера по даннымъ лѣтописи, и равнымъ образомъ, въ той (VII-й) главѣ изслѣдованія, гдѣ представляется очеркъ славяно-русскаго поселенія на восточной сторонѣ Днѣпра, авторъ счелъ умѣстнымъ высказать свое мнѣніе и о свойствѣ тѣхъ географическихъ свѣдѣній, которыми воспользовался въ настоящемъ случаѣ. Такъ, онъ находитъ, что Повѣсть временныхъ лѣтъ болѣе знакома съ финскимъ сѣверо-востокомъ, чѣмъ съ сѣверо-западомъ (стр. 58), и что даже извѣстія ея о восточномъ Поднѣпровьи, „верхнихъ земляхъ", Подвиньи и Новгородскихъ земляхъ отличаются краткостью сравнительно со свѣдѣніями о Руси собственно (стр. 126). Выводъ этотъ нельзя не признать справедливымъ, равно какъ и объясненіе его, заключающееся въ томъ, что составитель Повѣсти, какъ лѣтописи, веденной въ Кіевѣ, интересовался преимущественно дѣлами Кіевской Руси и на родинѣ своей могъ получать свѣдѣнія преимущественно о тѣхъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, которыя имѣли ближайшее отношеніе къ Кіевскому княженію. Съ другой стороны, прибавимъ мы, выводъ этотъ нисколько не умаляетъ и общаго историческаго значенія географическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ нашею начальною лѣтописью. „До Нестора, слѣдственно до XII столѣтія", сказалъ еще Шлецеръ,—„не было географіи европейскаго сѣвера, которая достойна была бы сего названія... Несторъ первый открываетъ сей міръ, бывшій до тѣхъ поръ сокрытымъ. Извѣстій его немного, но за то они вѣрны, опредѣленны и съ точностью означены" [1]). Г. Барсовъ не высказывается опредѣлительно объ общемъ значеніи и достоинствѣ географическихъ извѣстій По-

[1]) Несторъ. Русскія лѣтописи, перев. *Д. Языкова*, I, 38—41.

вѣсти временныхъ лѣтъ; но полагаемъ, что сдѣланныя имъ спеціальныя изысканія дали ему возможность болѣе, чѣмъ кому-либо другому, убѣдиться въ справедливости замѣчательнаго сужденія, произнесеннаго строгимъ историческимъ критикомъ прошлаго вѣка.

II.

Обращаемся къ обширнѣйшей части изслѣдованія г. Барсова — къ географическому очерку древней Руси, составленному имъ по даннымъ начальной лѣтописи.

Въ предшествующей главѣ этихъ замѣтокъ мы изложили уже содержаніе всего разсматриваемаго сочиненія и обозначили тѣ предметы, которыхъ авторъ касается въ упомянутомъ очеркѣ. Всѣ они принадлежатъ къ чисто описательной части географіи, къ хорографіи, топографіи, иногда къ одной лишь топографической номенклатурѣ, и лишь отчасти касаются вопросовъ этнографическихъ или же проникаютъ во внутреннее содержаніе науки землевѣдѣнія. Такое ограниченіе предѣловъ изслѣдованія кажется намъ, однако, не совсѣмъ правильнымъ. Если вѣрно опредѣленіе К. Риттера, что общее землевѣдѣніе есть наука о землѣ, какъ жилищѣ рода человѣческаго и поприщѣ дѣйствія всѣхъ силъ и законовъ природы во всемъ ихъ разнообразіи [1]), если, такимъ образомъ, землевѣдѣніе должно разсматривать отношеніе внѣшней природы къ человѣку, — то для географіи исторической есть не мало задачъ глубокаго интереса, чрезъ рѣшеніе которыхъ она можетъ внести существенный вкладъ въ общую сокровищницу исторической науки. Историческая географія неизбѣжно должна выйдти за предѣлы простого описанія, и пользуясь разнообразнымъ матеріаломъ общаго землевѣдѣнія, должна показать вліяніе внѣшней природы на развитіе человѣчества или отдѣльныхъ особей его—народовъ. Она должна обнаружить, на сколько жизнь людей въ извѣстной странѣ подвергалась дѣйствію общихъ географическихъ условій послѣдней, и на сколько эти условія способствовали развитію тамъ соціальности, или же послужили препятствіемъ для успѣховъ народной цивилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, историческая географія должна изобразить и воздѣйствіе человѣка на природу, его борьбу съ нею, формы этой борьбы, то-есть, разные виды культуры,

[1]) Общее землевѣдѣніе *К. Риттера*, изд. *Г. Даніеля*, переводъ *Я. Вейнберга*, стр. 8.

которой человѣкъ подвергаетъ окружающія его органическія и неорганическія тѣла, и наконецъ, результаты ея для населенія.

Таковы, по нашему мнѣнію, идеальныя задачи исторической географіи. Мы называемъ ихъ идеальными потому, что знаемъ недостижимость ихъ при современномъ состояніи науки, и вовсе не намѣрены судить о трудѣ г. Барсова исключительно съ точки зрѣнія этихъ требованій; но мы считали не лишнимъ напомнить о нихъ въ томъ убѣжденіи, что только ими, какъ мы думаемъ, освѣщается трудъ историко-географа, и что, чуждаясь ихъ, его изслѣдованіе утрачиваетъ, въ значительной мѣрѣ, свои главнѣйшія цѣли.

Отдадимъ справедливость г. Барсову въ томъ, что въ нѣкоторыхъ параграфахъ своего сочиненія онъ старался стать на вышеуказанную точку зрѣнія. Но во всякомъ случаѣ мы должны замѣтить, что немногочисленныя его замѣчанія объ обще-географическихъ отношеніяхъ древне-русской территоріи и о связи ихъ съ судьбой ея населенія вообще отодвинуты авторомъ на второй планъ и высказываются только вскользь, какъ-бы случайно. Конечно, противъ нашего заявленія могутъ возразить словами самого г. Барсова въ его предисловіи (стр. 9), что трудъ его имѣетъ цѣлью „разъясненіе только тѣхъ вопросовъ“ географіи древней Руси, „которые ставитъ сама лѣтопись, и потому ограничивается разборомъ географическаго матеріала, который она представляетъ“. Но мы все-таки думаемъ, что въ какой бы ни былъ зависимости нашъ авторъ отъ своихъ источниковъ, не могъ же онъ и не долженъ былъ подчинять имъ самую идею своего сочиненія.... Притомъ, по нашему убѣжденію (которое и постараемся доказать ниже), начальная лѣтопись представляетъ нѣсколько данныхъ и по тѣмъ вопросамъ, которые сейчасъ указаны нами, какъ почти не затронутые авторомъ, а дополнительный матеріалъ авторъ нашелъ бы въ другихъ современныхъ источникахъ, какъ онъ это и дѣлалъ въ кругу вопросовъ, имъ разсмотрѣнныхъ.

Изъ всей массы разнообразныхъ географическихъ условій, имѣющихъ отношеніе къ его предмету, г. Барсовъ избралъ только два, о которыхъ и счелъ нужнымъ сообщить нѣсколько соображеній. Именно—устройство поверхности восточно-европейской равнины и ея орошеніе. Но и изъ этихъ двухъ вопросовъ—дѣйствительно, очень важныхъ—только второй разсмотрѣнъ авторомъ съ нѣкоторою полнотою (стр. 16—27); говоря же объ устройствѣ поверхности (стр. 13—15), авторъ ограничился исключительно объясненіемъ топографической номенклатуры лѣтописца и лишь мимоходомъ прибавилъ замѣтку о

томъ, что лѣтописецъ вѣрно представляетъ центральное плоскогорье на восточно-европейской равнинѣ, извѣстное ему подъ названіемъ Оковскаго лѣса (стр. 13). Если бы г. Барсовъ болѣе внимательно разсмотрѣлъ рельефъ сейчасъ названной равнины и его отношенія къ водной сѣти, ее пересѣкающей, и сопоставилъ бы эти данныя съ извѣстіями о древнѣйшемъ размѣщеніи населенія на этомъ пространствѣ, онъ пришелъ бы еще къ нѣкоторымъ любопытнымъ и важнымъ результатамъ.

Знаменитый Риттеръ цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ примѣровъ доказалъ, что извѣстные типы мѣстностей и извѣстные виды орошенія страны особенно благопріятствовали водворенію въ ней прочнаго населенія и дальнѣйшему культурному развитію послѣдняго. При изученіи рѣчныхъ системъ весьма важно, говоритъ Берлинскій географъ, обращать вниманіе на разстояніе источника рѣки отъ ея устья, считая по прямой линіи сравнительно съ криволинейнымъ путемъ, по которому рѣка принуждена протекать вслѣдствіе пластической формы поверхности страны. Обѣ эти линіи далеко расходятся между собою и никогда почти не совпадаютъ. Чѣмъ болѣе величины эти разнятся между собою, тѣмъ больше становится поверхность рѣчной области, тѣмъ богаче количество жилъ, впадающихъ въ главный потокъ, тѣмъ обильнѣе вòды, и тѣмъ разнообразнѣе ихъ распредѣленіе. Все это, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на культуру рѣчныхъ бассейновъ и на этнографическія отношенія ихъ обитателей [1]). Такое же значеніе имѣетъ и тотъ типъ земной поверхности, который называется террасами, ступенями или уступами (Stufenländer). Подобныя мѣстности, служа переходами отъ странъ горныхъ къ низменностямъ, имѣютъ ту характеристическую особенность, что „они не представляютъ постояннаго совокупнаго возвышенія, но опредѣленное различіе, повышеніе или же, по другому направленію, пониженіе въ глубину и по опредѣленной прогрессіи“ [2]). На такихъ террасахъ, и преимущественно въ области средняго теченія рѣкъ, могли издревле селиться многочисленныя племена, развиваться тамъ подъ вліяніемъ богатства естественной производительности и достигать высокихъ степеней гражданственности [3]).

---

[1]) Общее землевѣдѣніе *К. Риттера*. Лекціи, изд. *Г. А. Даніелемъ*. Перев. *Я. Вейнберга*, стр. 144.

[2]) Тамъ же, стр. 125.

[3]) Тамъ же, стр. 153. Подобное замѣчаніе находимъ и въ прекрасной, но къ

Заселеніе восточно-европейской равнины, какъ оно изображено въ начальной лѣтописи, подтверждаетъ эти общія соображенія знаменитаго географа, и вмѣстѣ съ тѣмъ, само объясняется ими. Сѣверный склонъ Карпатскихъ горъ даетъ нѣсколько отроговъ, изъ которыхъ одинъ—такъ-называемая въ предѣлахъ Россіи—Авратынская возвышенность, направляясь на востокъ, служитъ водораздѣломъ, съ одной стороны—Днѣстра съ его притоками Сбручемъ, Смотричемъ и Ушицей, а съ другой—Сана и Западнаго Буга, притоковъ Вислы, то-есть, водораздѣломъ между бассейнами Чернаго и Балтійскаго морей, и оканчивается высокимъ правымъ берегомъ Днѣпра—славными издревле горами Кіевскими. Изъ двухъ названныхъ рѣкъ Черноморскаго бассейна у Днѣстра развитіе (то-есть, длина извилинъ) составляетъ менѣе, чѣмъ $^1/_6$ всего теченія, а у Днѣпра—$^1/_3$. Если вѣрно, что Прикарпатскій край былъ прародиною Славянъ въ Европѣ, то Авратынская возвышенность получаетъ значеніе пространства, по которому, между истоками Черноморскихъ и Балтійскихъ рѣчныхъ системъ, Славяне подвигались на востокъ отъ своего первоначальнаго гнѣзда, и гдѣ они осѣли въ незапамятное время. Уже Надеждинъ замѣтилъ — и г. Барсовъ повторяетъ его догадку (прим. 111), — что весь водоспускъ Авратынскій представляетъ, по своей топографической номенклатурѣ, несомнѣнные признаки кореннаго Славянства. То же замѣчаніе Надеждинъ распространяетъ и на побережье Днѣстра [1]). Но очевидно, неблагопріятныя формы развитія этой послѣдней рѣки послужили препятствіемъ для крупныхъ успѣховъ гражданственности среди здѣшняго населенія. Напротивъ того, на берегахъ средняго Днѣпра, на горахъ Кіевскихъ, мы видимъ сперва мѣстопребываніе самаго культурнаго изъ Славяно-Русскихъ племенъ, а потомъ центръ русской государственной жизни, и конечно, должны объяснять это явленіе, въ извѣстной мѣрѣ, и выгодными географическими условіями этой области Возможность политическаго вліянія Кіева на Верховыя земли также находитъ себѣ объясненіе въ томъ географическомъ фактѣ, что всѣ

сожалѣнію не конченной, статьѣ *Н. И. Надеждина*: «Опытъ исторической географіи русскаго міра»: «Орографическій скелетъ находится въ тѣснѣйшей связи съ кровеносною гидрографическою системою. И если, съ одной стороны, рѣки служатъ первыми проводниками распространяющемуся народонаселенію, то съ другой—возвышенности составляютъ первый надежный пріютъ осѣдлости и скучиваютъ на себѣ первыя постоянныя гнѣзда кочующихъ ордъ». См. *Библ. для чтенія* 1837 г., т. XXII, отд. III, стр. 43—44.

[1]) *Библ. для Чт.* 1837 г., XXII, отд. III, стр. 52—53.

главные притоки Днѣпра (рѣчная область котораго простирается почти на 10.000 миль) вливаются въ него выше матери городовъ русскихъ, и притомъ, въ сравнительно недалекомъ разстояніи отъ Кіева. Какъ вправо отъ Днѣпра на Авратынской возвышенности, точно такъ и на лѣвой его сторонѣ, и въ верховьяхъ его системы мы видимъ, что древнѣйшія поселенія Славянъ хотя и обозначены лѣтописью по рѣкамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ находились на мѣстахъ сравнительно высокихъ—на склонахъ Валдайскихъ горъ или террасахъ Алаунской возвышенности. Образованіе позднѣйшаго государственнаго центра въ Москвѣ, въ срединѣ центральной русской выпуклости, также находитъ себѣ объясненіе, между прочимъ, въ географическихъ условіяхъ этой „страны источниковъ“, какъ то и было прекрасно разъяснено г. Соловьевымъ согласно съ мыслью Риттера [1]). Указываемый послѣднимъ поразительный фактъ, что развитіе Волги, въ области которой находится городъ Москва, вдвое болѣе прямолинейнаго разстоянія отъ истока до устьевъ этой рѣки, и что чрезъ это площадь всего Волжскаго бассейна достигаетъ огромной величины 30.000 квадр. миль,—прямо входитъ въ русскую историческую географію, какъ одна изъ причинъ, въ силу которыхъ область верхней Волги и ея притоковъ сдѣлалась центромъ, собравшимъ около себя Русское государство.

Система рѣкъ на восточно-европейской равнинѣ и значеніе этой водной сѣти для распространенія здѣсь Славянскаго племени весьма отчетливо обдуманы г. Барсовымъ; считаемъ не лишнимъ привести здѣсь его мѣткія выраженія: „Нѣтъ сомнѣнія, что исконныя поселенія Славянъ были расположены по рѣкамъ и проточнымъ озерамъ, представлявшимъ удобнѣйшіе пути сообщенія. Всѣ исторически-извѣстныя поселенія Славянъ и слѣды древнѣйшихъ ихъ обиталищъ — городки и городища — мы находимъ именно на такихъ рѣчныхъ и озерныхъ побережьяхъ, тогда какъ сама начальная лѣтопись также распредѣляетъ разселеніе восточно-славянскихъ вѣтвей по рѣкамъ и озерамъ. Тѣми же водными путями должно было идти и дальнѣйшее распространеніе населенія, вслѣдствіе его естественнаго размноженія. Это открывается, между прочимъ, въ томъ любопытномъ фактѣ, что и теперь еще многія рѣки, сближающіяся между собою или устьями, или истоками, носятъ одинаковыя названія, оче-

[1]) Замѣтимъ кстати, что проницательный географъ дѣлаетъ прямое указаніе на вліяніе географическихъ условій въ образованіи государственныхъ центровъ въ Кіевѣ и Москвѣ. См. Общее Землевѣдѣніе, стр. 153.

видно, перенесенныя разселявшимся племенемъ съ одной на другую. Таковы *Бугъ Западный* и *Бугъ Восточный*, двѣ *Случи*, изъ которыхъ одна впадаетъ въ Припеть съ сѣвера (Минской губ.), другая—съ юга черезъ Горынь, съ которою сливается въ недальнемъ разстояніи отъ Припети (Волынской губ.); двѣ *Березины*, правый притокъ Нѣмана и лѣвый притокъ Днѣпра; двѣ Нерли въ Поволжьи; въ соединительныхъ водахъ между бассейномъ Западной Двины и южною частью Озерной области встрѣчается также нѣсколько одноименныхъ рѣкъ и озеръ. Образованіе волостей и ихъ сліяніе въ земли и княженія шло также вдоль водныхъ путей. Лѣсистые, часто болотистые волоки между рѣкъ, водораздѣлы, оставаясь не занятыми, составляли естественные предѣлы между групами тяготѣвшихъ другъ къ другу родовъ и волостей, и затѣмъ между возникшими изъ нихъ землями, расположенными на разныхъ рѣчныхъ системахъ. То были единственные естественные предѣлы на восточно-европейской равнинѣ [1]), гдѣ судоходныя и спокойныя рѣки не раздѣляли, а сближали между собою побережное населеніе" (стр. 72—73).

Г. Барсовъ тщательно разобралъ систему путей сообщенія по русскимъ рѣкамъ и представилъ ее въ наглядномъ очеркѣ. Въ началѣ этого обзора онъ замѣчаетъ, что рѣки въ древности „были шире и глубже, и удобнѣе для судоходства, чѣмъ теперь, при ихъ видимомъ обмелѣніи; оно начиналось ближе къ ихъ истокамъ и производилось по многимъ побочнымъ рѣкамъ, которыя въ настоящее время или пересохли, или превратились въ болото" (стр. 16). Эта замѣтка очень любопытна, и факты, приведенные въ ея подтвержденіе, заслуживаютъ

---

[1]) *Иречекъ*, Entstehen christl. Reiche in Gebiete d. heut. œsterr. Kaiserstaats 80—81, утверждаетъ, что лучшею охраной отъ нападенія врага Славяне считали лѣса. Ср. *Бестужевъ-Рюминъ*, Русск. Исторія, I, 55. Какое стратегическое значеніе имѣли лѣса даже въ позднѣйшее историческое время, въ XVI вѣкѣ, уже не между мелкими вѣтвями Славянства, но между большими государствами, Рѣчью Посполитою и Московскимъ государствомъ,—можно видѣть изъ тѣхъ препятствій, какія должны были преодолѣвать польско-литовскія войска Стефана Баторія въ походѣ отъ Полоцка къ Пскову *(Heidenstein)*. *Прим. г. Барсова.*

Впрочемъ, не одни Славяне считали лѣса лучшею пограничною оградой отъ вражескихъ нападеній: такъ, напримѣръ, у древнихъ Галловъ и Германцевъ земли отдѣльныхъ общинъ также раздѣлялись между собою полосами лѣса. Лѣса служили Галламъ убѣжищемъ при нападеніяхъ на нихъ Римлянъ, и поджогъ такихъ лѣсовъ былъ обычнымъ способомъ дѣйствія обѣихъ воюющихъ сторонъ въ этой борьбѣ. См. Les forêts de la Gaule et de l'ancienne France, par *Alfred Maury* (P. 1867), стр. 43 и 85.

вниманія. Но къ сожалѣнію, г. Барсовымъ приведены только немногія отрывочныя данныя въ сравненіи съ настоящимъ ихъ количествомъ, дающимъ возможность сдѣлать выводъ болѣе положительный и осязательный по данному вопросу. Изъ указаній разныхъ нашихъ ученыхъ видно, что остатки большихъ судовъ и большихъ судовыхъ принадлежностей были находимы не только въ рр. Сновѣ [1]) и Острѣ (которыя называетъ г. Барсовъ), но и въ Стугнѣ, Сулѣ, Ворсклѣ, Хоролѣ, Трубежѣ, Оржицѣ, Альтѣ, Супоѣ, Переводѣ [2]).

Эти свидѣтельства, распространяющіяся на всѣ почти историческія рѣки средне-днѣпровскаго бассейна, значительно подкрѣпляютъ и обобщаютъ соображенія г. Барсова; можно положительно сказать, что рѣки эти въ старину были также судоходны, какъ нынѣ судоходны почти всѣ сколько-нибудь значительныя рѣки средней и сѣверной Россіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется тотъ извѣстный по лѣтописямъ фактъ, что еще въ XIII вѣкѣ возможенъ былъ взводъ судовъ чрезъ Днѣпровскіе пороги [3]) — фактъ, кажущійся невѣроятнымъ для нѣкоторыхъ писателей [4]).

Свѣдѣнія о древнемъ многоводіи южно-русскихъ рѣкъ важны особенно въ томъ отношеніи, что даютъ возможность пополнить сѣть древнихъ рѣчныхъ путей сообщенія въ относительно небогатой ими теперь южной Руси. Говоря это, мы имѣемъ въ виду преимущественно одинъ изъ такихъ путей, весьма впрочемъ важный, на который обратилъ вниманіе Ф. К. Брунъ въ статьѣ своей „Слѣды древняго рѣч-

---

[1]) Г. Барсовъ, ссылаясь на хранящіяся въ Императ. публичной библіотекѣ рукописи путешествія *К. М. Бороздина*, отожествляетъ р. Сновъ съ болотомъ или ручьемъ Замглаемъ (стр. 16—18 и прим. 35). Но изъ «Гео-ботаническихъ изслѣдованій о черноземѣ» акад. *Рупрехта*, лично посѣтившаго Черниговскую губернію, видно, что Замглаемъ называется отдѣльный ручеекъ, который пересѣкаетъ дорогу между Черниговымъ и м. Сѣдневымъ и «во время половодья впадаетъ въ Десну недалеко отъ устья Снова» (стр. 72—73).

[2]) Исторія Россіи, *С. М. Соловьева*, т. I, прим. 17; Актъ въ Импер. Харьковскомъ университетѣ 30-го августа 1852 года. Приложеніе: О черноземѣ, рѣчь адъюнктъ-профессора *Н. Борисяка*, стр. 54; *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.* т. XI: Рѣки Полтавской губерніи, *Н. Маркевича*, стр. 340, 353, 425 и 448.

[3]) П. С. Р. Л., II, стр. 94, 97 и особенно 164: «выгонци Галичькыя придоша по Днѣстру и воидоша въ море; бѣ бо лодей тысяча, и воидоша во Днѣпръ и возведоша порогы и сташа у рѣкы Хорътицѣ на броду у протолчи».

[4]) *Болтинъ*, Примѣчанія на «Исторію» Леклерка, I, стр. 66—67; *А. С. Афанасьевъ-Чужбинскій*, Поѣздка въ Южную Россію, I, 77—82.

наго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“ [1]). Въ этомъ любопытномъ изслѣдованіи почтенный Одесскій ученый рядомъ остроумныхъ доводовъ доказываетъ, что въ древности существовалъ путь изъ Днѣпра въ Азовское море по притоку днѣпровскому Самарѣ и впадающей въ нее Волчьей водѣ, вершины которой чрезъ небольшой волокъ сближаются съ вершинами Кринки, притока р. Міуса, въ свою очередь впадающей въ Азовское море. По этому пути, говоритъ Бопланъ, Запорожцы проводили въ войсковую скарбницу свои дубы изъ Чернаго моря въ томъ случаѣ, если Днѣпровскій лиманъ былъ для нихъ загражденъ турецкими судами [2]). Стало быть, даже въ XVI и XVII вѣкахъ такія рѣки, какъ Самара, Волчья, Кринка и Міусъ, были еще судоходны. Намеки на существованіе указаннаго рѣчнаго сообщенія г. Брунъ находитъ и у нѣкоторыхъ авторовъ греко-римской древности, описывавшихъ Скиѳію, и съ другой стороны, у Константина Багрянороднаго, а вслѣдствіе того, дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что преимущественно по описанному, кратчайшему, пути совершались сношенія Днѣпровской Руси съ Тьмутороканью. Указанное изслѣдованіе г. Бруна осталось совершенно неизвѣстнымъ г. Барсову, и потому онъ не воспользовался его любопытными результатами.

Равнымъ образомъ, не воспользовался г. Барсовъ и тѣми соображеніями, которыя были высказаны разными нашими учеными относительно трехъ важныхъ путей въ предѣлахъ южной Руси, извѣстныхъ въ лѣтописяхъ XII вѣка подъ названіемъ Греческаго, Соляного и Залознаго. То обстоятельство, что эти пути упоминаются не собственно въ начальной лѣтописи, а нѣсколько позже, не можетъ, ка-

[1]) *Записки Одесскаго общества исторіи и древностей*, т. V, стр. 109—156.

[2]) Описаніе Украйны, соч. *Боплана*, перев. *Ѳ. Устрялова*, стр. 67. Бопланъ, впрочемъ, называетъ Волчью воду не существующимъ названіемъ Tawczavoda и не упоминаетъ о Кринкѣ, ошибочно предполагая, что верховья самого Міуса сближаются съ верховьемъ Волчьей. Быть можетъ, было бы еще правильнѣе замѣнить, въ извѣстіи Боплана, рр. Міусъ и Кринку р. Кальміусомъ, вершина которой еще ближе подходитъ къ верховьямъ Волчьей, чѣмъ истокъ Кринки. Всѣ эти поправки, будучи введены въ извѣстіе Боплана, не измѣнили бы его сущности. Въ заключеніи упомянутой статьи г. Брунъ пытается произвести самое названіе Волчьей воды отъ упомянутаго волока. Но изъ свидѣтельствъ XVI вѣка (*Карамзинъ*, И. Г. Р., т. IX, примѣч. 103 и 268) видно, что въ то время Волчья носила названіе Овечьихъ водъ; не произошло ли смѣшеніе этихъ названій отъ сходства, въ южно-русскомъ нарѣчіи, словъ: вивця (увел. овчыще, уменш. овѐчка) и вовкъ (увел. вовчище, уменш. вовчѝкъ, вѐвчикъ, прилаг. вѐвчый)?

жется, оправдывать молчанiе г. Барсова: по самымъ извѣстiямъ XII вѣка уже видно, что то были пути издревле извѣстные, стало быть, существовавшiе несомнѣнно въ IX, X и XI вѣкахъ, о коихъ преимущественно говоритъ Повѣсть временныхъ лѣтъ. Притомъ же путь Греческiй или Гречникъ, какъ онъ является въ извѣстiяхъ Ипатьевской лѣтописи подъ 1170 г., есть не болѣе какъ южная оконечность древняго пути изъ Варягъ въ Греки; а если для объясненiя связи этого послѣдняго г. Барсовъ (стр. 19—20) счелъ не лишнимъ принять въ соображенiе извѣстiя XII—XIII вѣковъ, то безъ сомнѣнiя, изъ источниковъ того же перiода онъ могъ пополнить свѣдѣнiя о Гречникѣ и позаимствовать данныя для описанiя другихъ путей, вмѣстѣ съ нимъ упоминаемыхъ, — Соляного и Залознаго. Какъ бы то ни было, но въ представленномъ г. Барсовымъ перечнѣ Днѣпровскихъ пристаней на Греческомъ пути мы не нашли — наряду съ упомянутымъ островомъ св. Ееерiя [1]) — важнаго въ то время порта и складочнаго пункта греческой торговли, Олешья, о которомъ говорятъ и Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 1084 г., и ея продолженiе подъ 1153 и 1223 гг., и Ипатьевская лѣтопись подъ 1144, 1159 и 1213 годами. Что касается Соляного и Залозника, то толкованiе этихъ названiй и объясненiе самыхъ путей было дѣлаемо Карамзинымъ, Арцыбашевымъ, гг. Соловьевымъ, Забѣлинымъ, Ламанскимъ, Срезневскимъ и Бруномъ [2]). Мнѣнiя эти расходятся не только относительно вопроса о направленiи путей, но и относительно того — были ли нѣкоторые изъ нихъ водными, или шли по сушѣ. При такомъ разногласiи высказанныхъ гипотезъ, провѣрка ихъ со стороны г. Барсова была бы, разумѣется, особенно необходима.

Доводы въ пользу судохности нашихъ южныхъ рѣкъ въ старину,

[1]) Г. Барсовъ (стр. 18) называетъ этотъ островъ (нынѣ Березань) островомъ св. Елферiя; но г. Брунъ, на основанiи свидѣтельства Константина Багрянороднаго, утверждаетъ, что островъ получилъ свое древнее названiе по имени Херсонскаго епископа св. Ееерiя (см. Новоросс. календарь на 1854 годъ, стр. 388—405, статья: «Островъ св. Ееерiя»).

[2]) *Карамзинъ*, И. Г. Р., II, прим. 419; *Арцыбашевъ*, Пов. о Росс., II, прим. 1146; *Соловьевъ*, Ист. Росс., II, прим. 312; *Забѣлинъ*, О металл. произв. въ Россiи, въ *Зап. Археол. Общ.*, V, стр. 3; *Ламанскiй*, О Славянахъ въ М. Азiи, Африкѣ и Испанiи, въ *Зап. Акад. Н. по Отд. р. яз. и слов.*, V, 68; *Срезневскiй*, Русское населенiе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вѣкахъ, въ *Изв. Ак. Н. по Отд. р. яз. и слов.*, т. VIII, ст. 314; *Брунъ*, въ упом. выше статьѣ, стр. 135 и слѣд., а также въ «Опытѣ соглашенiя противоположныхъ мнѣнiй о Геродотовой Скиѳiи и смежныхъ съ нею земляхъ», стр. LXII—LXIV.

и стало быть, обилія въ нихъ воды находятся въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ—существовали ли въ древности лѣса въ предѣлахъ южной Россіи, представляющей нынѣ столь открытую и почти безлѣсную степь. Какъ ни важенъ этотъ послѣдній вопросъ по отношенію къ нашей исторической географіи и этнографіи,—ибо преобладаніе въ странѣ лѣсовъ или пространствъ безлѣсныхъ, степныхъ оказываетъ могущественное вліяніе на самый бытъ народный,—г. Барсовъ, къ сожалѣнію, не посвятилъ ему въ своемъ сочиненіи ни одной страницы. Кромѣ упоминанія объ Оковскомъ лѣсѣ (стр. 13—14 и прим. 32) да нѣсколькихъ замѣтокъ о важномъ порубежномъ значеніи лѣсовъ, въ сочиненіи его не встрѣчается никакихъ свѣдѣній о томъ, какой характеръ, въ отношеніи лѣсной растительности, представляла та часть восточно-европейской равнины, на которой преимущественно совершались событія первыхъ вѣковъ русской исторіи, какъ распредѣлялись на пространствѣ древней Россіи лѣса и степи, который изъ этихъ двухъ типовъ мѣстностей оказался благопріятнѣе для культурнаго развитія Русскаго народа и т. д. Нельзя однако считать вполнѣ невозможнымъ сужденіе науки о такихъ вопросахъ: въ самой начальной лѣтописи и въ другихъ ближайшихъ къ ней источникахъ есть по этому предмету нѣсколько свидѣтельствъ, которыя, будучи сопоставлены съ данными древней географической номенклатуры и съ наблюденіями надъ природою русской равнины, могутъ послужить матеріаломъ для соображеній, не лишенныхъ интереса въ историко-географическомъ отношеніи.

Существуютъ различныя мнѣнія относительно размѣровъ древняго распространенія лѣсной растительности въ предѣлахъ нынѣшней южнорусской степи [1]). Степь эта, составляя болѣе 20% всей поверхности Европейской Россіи, почти сплошь, за немногими исключеніями, покрыта болѣе или менѣе толстымъ слоемъ чернозема, сѣверная граница котораго вправо отъ Волги имѣетъ общее направленіе съ сѣверо-востока къ юго-западу, отъ Тетюшъ до Кременца [2]). Нѣкоторые

---

[1]) См. опытъ разсмотрѣнія этого вопроса въ книгѣ *К. Неймана*: Die Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Leipzig. 1855. Сдѣланный *Ф. К. Бруномъ* переводъ соображеній Неймана «О лѣсной растительности Новороссійскихъ степей въ древности» помѣщенъ въ *Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи* 1857 г., №№ 7 и 8.

[2]) Вправо отъ Волги эта граница проходитъ извилинами приблизительно около слѣдующихъ пунктовъ: Тетюши, Ядринъ, Лукояновъ, Алатырь, Инсаръ,

ученые полагали, что черноземъ произошелъ вслѣдствіе высыханія и истлѣванія торфяниковъ, и такимъ образомъ, въ самомъ существованіи этого рода почвы находили доказательство тому, что нѣкогда поверхность южно-русской степи была покрыта сплошными лѣсами, съ теченіемъ времени превратившимися сперва въ торфяные, а потомъ въ черноземные слои [1]). Подтвержденіе факту древняго обилія лѣсовъ въ предѣлахъ нынѣшней степи находили въ историческихъ извѣстіяхъ разныхъ временъ, начиная съ Геродота, древнѣйшаго изъ писателей-очевидцевъ, повѣствующихъ объ этихъ краяхъ, и кончая учеными путешественниками послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи, всѣ эти извѣстія представляютъ лишь весьма ограниченныя и условныя свидѣтельства въ пользу того факта, который желаютъ ими подтверждать. Такъ, изъ разсмотрѣнія извѣстій греко-римской эпохи ученый Нейманъ могъ вывести только, что уже Геродота поразила обширность скиѳскихъ равнинъ и пастбищъ; что, судя по обилію греческихъ колоній на берегу Чернаго моря между устьями Дуная и Днѣпра и на полуостровѣ Керченскомъ и по немногочисленности ихъ на берегахъ Азовскаго моря, въ первыхъ двухъ названныхъ мѣстностяхъ, вѣроятно, было болѣе лѣсовъ, чѣмъ въ послѣдней; что такимъ образомъ, „проникавшая къ западу степная природа тогда еще не одержала полной побѣды“ надъ территоріей нынѣшней Херсонской губерніи, и что, наконецъ, дѣйствительно, существовала на сѣверномъ берегу Чернаго моря одна мѣстность, которая, по выраженію Геродота (кн. IV, глава 18), была „вся полна всякаго рода деревьями“, именно—Гилея, въ низовьяхъ Днѣпра, около нынѣшняго города Алешекъ [2]). Еще менѣе положительныхъ указаній въ томъ сводѣ, который дѣлаетъ Нейманъ изъ извѣстій средне-вѣковыхъ и новаго времени. Правда, что для этого періода онъ принимаетъ въ соображеніе далеко не всѣ свидѣтельства, которыя могли бы быть приведены, но во всякомъ случаѣ общія заключенія, къ которымъ приходитъ изслѣдователь, высказаны

Темниковъ, Тамбовъ, Шацкъ, Рязань, Зарайскъ, Дмитровскъ, Глуховъ, Сосница, Козелецъ, Васильковъ, Бердичевъ, Кременецъ. См. Сельско-хоз. атласъ Европ. Россіи, изданіе департамента земледѣлія и сельской промышленности, л. 1; Объясненія къ этому атласу, сост. *И. И. Вильсономъ*, и Опытъ статист. атласа Россійской имперіи, *А. А. Ильина*, л. 5.

[1]) Гео-ботаническія изслѣдованія о черноземѣ, академика *Ф. Рупрехта*, стр. 4—5.

[2]) *Зап. Общ. Сел. Хоз. Южной Россіи* 1857 г., стр. 401—405.

имъ въ недовольно точномъ и даже отчасти гипотетическомъ смыслѣ, мало убѣдительномъ для читателя, какъ напримѣръ: „лѣса средней Россіи простирались тогда далѣе къ югу“, или „бѣдность лѣсовъ постепенно возрастала къ востоку“ и т. д.[1]).

Изъ изложеннаго очевидно, что ссылками на историческія свидѣтельства нельзя доказать, что въ древности лѣсная растительность въ южно-русскихъ степяхъ была особенно обильна. Въ виду такого отрицательнаго результата совершенно особое значеніе получаютъ новыя изслѣдованія о происхожденіи чернозема, произведенныя академикомъ Рупрехтомъ и опровергающія вышеизложенное мнѣніе другихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ. По изслѣдованіямъ г. Рупрехта, черноземъ не могъ образоваться отъ высыханія и истлѣванія торфа: это видно изъ того, что микроскопическія изслѣдованія надъ 300 образчиками чернозема изъ 30 различныхъ мѣстъ не открыли въ немъ ни малѣйшей частицы древесныхъ корней. Вмѣсто того, г. Рупрехтъ допускаетъ образованіе чернозема чрезъ гніеніе дерновой почвы: подъ вліяніемъ солнца и дождя травянистыя части растеній истлѣваютъ, обращаются въ перегной, просачиваются въ почву и усиливаютъ болѣе или менѣе ея черный цвѣтъ. Разсуждая такимъ образомъ, г. Рупрехтъ принимаетъ во вниманіе еще то обстоятельство, что съ сѣверною границею чернозема совпадаетъ граница отдѣльной флоры или области растительности, гораздо болѣе древней, чѣмъ флора сѣверной Россіи, и характеристику которой составляетъ преимущественно распространеніе большими массами ковыля. Эта-то болѣе южная флора, вѣроятно, и дала главный матеріалъ для образованія, въ теченіе тысячелѣтій, нынѣшней черноземной почвы степи [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 476—477.

[2]) Гео-ботаническія изслѣдованія, стр. 1—25. Срокъ, необходимый для образованія чернозема, г. Рупрехтъ опредѣляетъ приблизительно по слѣдующему расчету: около Чернигова есть множество кургановъ, насыпку которыхъ относятъ ко временамъ Батыя; курганы эти песчаные, но покрыты тонкимъ слоемъ, въ 6—9 дюймовъ, черноватой земли, весьма сходной съ черноземомъ и происшедшей отъ задерненія ихъ; если въ 600 лѣтъ образовался всего такой тонкій слой, то для образованія черноземнаго слоя въ 2—5 футовъ, какой находится на гладкой землѣ около кургановъ, необходимо было отъ 2400 до 4000 лѣтъ (см. тамъ же, стр. 9). Новѣйшія раскопки г. Самоквасова (*Извѣстія Географ. Общества*, т. X, отд. I, стр. 30—31) доказываютъ, что Черниговскіе курганы относятся не къ XIII, а къ X вѣку; стало-быть, и расчетъ г. Рупрехта долженъ измѣниться въ пользу еще болѣе продолжительнаго срока. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, образованіе чернозема восходитъ далеко за предѣлы исторической эпохи.

Допуская такое объясненіе происхожденія чернозема, очевидно, должно вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что степной характеръ ужъ издревле, въ большей или меньшей степени, принадлежалъ черноземной полосѣ. Но въ такомъ случаѣ, существовавшіе тамъ, по историческимъ свидѣтельствамъ, а равно сохранившіеся понынѣ лѣсные „острова" (какъ говорилось въ древности, и какъ на языкѣ охотниковъ говорится понынѣ) являются уже не остатками древнѣйшихъ сплошныхъ лѣсовъ, а лишь болѣе или менѣе значительными группами деревьевъ, возросшихъ или послѣ образованія чернозема, или тамъ, гдѣ онъ вовсе не образовался,—подобно тому, какъ и въ настоящее время лѣсныя насажденія искусственно размножаются въ степи благоразумными хозяевами. Если мы сличимъ между собою распредѣленіе почвъ и распредѣленіе лѣсовъ даже въ современной южной Россіи [1]), то можемъ легко замѣтить, что лѣса существуютъ лишь въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ юга, гдѣ именно почва не черноземная, а суглинистая, супесчаная или даже просто песчаная. Всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о древнихъ лѣсахъ этого пространства, по сличеніи ихъ съ почвенною картою, свидѣтельствуютъ о томъ же фактѣ. Стало-быть, и съ этой стороны, подтверждается заключеніе, что черноземная почва издревле соотвѣтствовала безлѣсной степи, а вмѣстѣ съ тѣмъ получается возможность судить о томъ, какъ распредѣлялись въ древности лѣсные острова въ черноземной полосѣ, и какъ вообще велика могла быть площадь этихъ лѣсовъ.

Гораздо проще рѣшается вопросъ о древнемъ распредѣленіи лѣсной растительности на восточно-европейской равнинѣ внѣ предѣловъ чернозема. Прежде, чѣмъ обращаться къ историческимъ источникамъ, достаточно взглянуть на современную карту лѣсовъ въ Европейской Россіи, чтобъ убѣдиться, какъ еще много ихъ въ ея нечерноземной полосѣ. По статистическимъ свѣдѣніямъ [2]), до сихъ поръ еще въ губерніяхъ сѣверныхъ (Архангельской, Вологодской и Олонецкой) лѣса составляютъ 85,9% всего пространства, а въ губерніяхъ восточныхъ (Пермской, Оренбургской и Вятской)—56,8%. Но если даже

---

[1]) См. почвенныя карты Европ. Россіи въ Сельско-хозяйствен. атласѣ, изд. департаментомъ земледѣлія, и въ Опытѣ статист. атласа *А. А. Ильина*, карту распредѣленія лѣсовъ въ томъ же атласѣ *Ильина* и карту главнѣйшихъ отраслей промышленности, изд. центральн. стат. комитетомъ въ 60-ти верстномъ маштабѣ, на которой лѣса нанесены съ планшетовъ военно-топографической съемки.

[2]) Объясненія къ сельско-хозяйств. атласу, стр. 479—484.

мы выбросимъ изъ разчета названныя области, а также и нѣсколько другихъ, коихъ территорія находилась внѣ исторической жизни древнѣйшей Руси, то увидимъ подъ лѣсами въ губерніи Новгородской—62,6%, въ С.-Петербургской—44,9%, въ Псковской—48,9%, въ Витебской—41,8%, въ Могилевской—27%, въ Минской—45%, въ Гродненской—27,5%, въ Волынской—41,9%, въ Кіевской (при половинѣ губерніи черноземной)—24,7%, во Владимірской—46,8%, въ Московской—38,1%, въ Смоленской—35%, въ Ярославской—34%, въ Тверской—31,6%, въ Калужской—25,4%, въ Орловской (при 2/5 губерніи черноземныхъ)—23,1%, въ Рязанской (при половинѣ губерніи черноземной)—22%, въ Черниговской (при 2/5 губерніи черноземныхъ)—19,4% всего пространства губерніи; то-есть, увидимъ, что и по настоящее время эти области по количеству своихъ лѣсовъ превышаютъ—и иногда въ очень значительныхъ размѣрахъ—ту степень лѣсистости, которая вообще признается выгодною (25% общаго пространства), или по крайней мѣрѣ, стоятъ весьма близко къ этой нормѣ. Далѣе, если мы пріймемъ во вниманіе, что со времени генеральнаго межеванія (произведеннаго въ періодъ отъ 1774 года 1798) по настоящую пору уменьшеніе пространства лѣсовъ послѣдовало въ такой мѣрѣ: по губерніи Новгородской на 11%, по С.-Петербургской на 34%, по Псковской на 11%, по Могилевской на 36%, по Владимірской на 3,5%, по Московской на 13%, по Смоленской на 29%, по Ярославской на 35%, по Тверской на 46%, по Орловской на 22%, по Рязанской на 33% [1]),—то должны будемъ признать, что уменьшеніе лѣсовъ совершается у насъ съ чрезвычайною быстротою: въ губерніяхъ центральныхъ [2]) оно достигло даже, въ теченіе настоящаго столѣтія, 50% всего всего пространства лѣсовъ. Если же мы сдѣлаемъ отсюда заключеніе обратное, то можемъ съ полною увѣренностью сказать, что въ древности почти вся не черноземная полоса Россіи была сплошь покрыта лѣсами.

Итакъ, мы пришли къ положительному выводу: черноземная степь и лѣсъ—по большей части хвойный на сѣверѣ и востокѣ и лиственный на западѣ и югѣ—рѣзко дѣлили между собою русскую государ-

---

[1]) По прочимъ губерніямъ изъ тѣхъ, въ коихъ общее пространство лѣсовъ показано выше, генеральнаго межеванія произведено не было.

[2]) Разумѣя подъ этимъ названіемъ губерніи Владимірскую, Московскую, Смоленскую, Ярославскую, Тверскую, Калужскую, Орловскую, Рязанскую, Тульскую (большею частью черноземную, и въ которой подъ лѣсомъ всего 8,6% общаго пространства).

ственную область въ древности, а граница между лѣсомъ и степью проходила тогда опредѣленно по сѣверной границѣ распространенія чернозема. Не подлежитъ сомнѣнію, что и вліяніе, которое лѣсъ и степь оказывали, тотъ и другая въ своихъ предѣлахъ, на природу края и на его жителей, было издревле могущественно и даже сильнѣе, чѣмъ теперь, послѣ многихъ вѣковъ какъ развитія народа, такъ и культуры его территоріи.

Выводъ этотъ—вполнѣ историко-географическій по своей сущности, и хотя полученъ чрезъ анализъ фактовъ изъ другой научной сферы, тѣмъ не менѣе долженъ найдти себѣ законное мѣсто въ изслѣдованіи по исторической географіи. Впрочемъ, подтвердить предложенное заключеніе и ближайшимъ образомъ разсмотрѣть послѣдствія указаннаго явленія мы можемъ при помощи свѣдѣній изъ историческихъ источниковъ: они должны указать — какія именно изъ лѣсныхъ мѣстностей были преимущественно знакомы населенію восточно-европейской равнины, какіе лѣса служили ему на потребу, и можетъ быть, уже начали подвергаться истребленію подъ его топоромъ. Итакъ, послѣ долгаго отступленія, обращаемся къ даннымъ исторіи.

Уже на первыхъ страницахъ начальной лѣтописи находимъ мы извѣстія о лѣсахъ въ предѣлахъ древней Руси. Разказавъ объ основаніи Кіева тремя братьями на трехъ горахъ на правомъ песчаномъ берегу Днѣпра, лѣтопись прибавляетъ: „Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь“ [1]). Нѣсколько ниже это извѣстіе дополняется еще слѣдующимъ: „По смерти братьѣ сея.... наидоша я (Полянъ) Козарѣ сѣдящая на горахъ въ лѣсѣхъ“ [2]). Извѣстія эти, однако, какъ показываетъ ихъ смыслъ, свидѣтельствуютъ о фактѣ изъ времени минувшаго по отношенію къ эпохѣ лѣтописца. Если лѣтописецъ-Кіевлянинъ, писавшій преимущественно для Кіевлянъ и потому нерѣдко указывавшій на общеизвѣстныя согражданамъ урочища и зданія Кіевскія, счелъ нужнымъ прибавить, что родной городъ былъ нѣкогда основанъ среди великаго бора, то очевидно, бора этого не существовало, или по крайней мѣрѣ, онъ былъ гораздо меньше въ концѣ XI вѣка. Что касается извѣстій XII вѣка о лозахъ на болоньи у ручья Сѣтомля, по дорогѣ изъ Кіева въ Вышго-

[1]) П. С. Р. Л., I, стр. 4.
[2]) Тамъ же, стр. 7.

родъ „противу Дорогижичю“ [1]), то здѣсь разумѣется не лѣсъ, а низменные сѣнокосные луга [2]). Впрочемъ, это не устраняетъ возможности существованія лѣсовъ около Кіева, какъ на то указываетъ названіе урочища *Борокъ* на пути отъ Кіева къ Треполю [3]).

Если нѣкогда были лѣса даже въ окрестностяхъ главнаго города Полянъ, то относительно существованія лѣсовъ въ областяхъ тѣхъ племенъ славянскихъ, о которыхъ и сама лѣтопись говоритъ, что они „живяху въ лѣсѣ“, уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Таковы были, на правомъ берегу Днѣпра, Древляне, самое названіе которыхъ, по мнѣнію лѣтописца, происходитъ отъ лѣсовъ ихъ родины [4]). Дѣйствительно, извѣстія лѣтописей XII и XIII вѣковъ [5]), помѣщаютъ въ ихъ области *Чертовъ лѣсъ*, который, по опредѣленію г. Барсова, „тянулся на востокъ отъ Случи до рѣки Уши“ (стр. 109). Здѣсь на песчаныхъ сѣверо-восточныхъ склонахъ Авратынской возвышенности до сихъ поръ находится сплошной, едва проходимый лѣсъ. Еще менѣе проходимъ онъ былъ, вѣроятно, въ древности, и потому лѣтопись, подъ 1234 г., отмѣчаетъ, какъ рѣдкій случай, намѣреніе князя Галицкаго Даніила Романовича „изыти домови (изъ Кіева) лѣсною стороною“ [6]). Такой путь былъ возможенъ здѣсь только по р. Ушѣ, тогда какъ обыкновенный путь изъ Кіева на Волынь и Галичь шелъ южнѣе, внѣ лѣснаго пространства. Въ настоящее время не сохранилось названіе Чертова лѣса, но оно, кажется, правильно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣсъ находился на рубежѣ земель Полянской, Древлянской и Дряговичской, или позднѣйшихъ— Волынской и Кіевской.

Лѣтописи представляютъ весьма мало извѣстій о распространеніи лѣсовъ на западъ отъ Древлянской земли, въ область Волынскую; но вмѣсто того, нѣкоторыя указанія мы находимъ въ древней гео-

[1]) П. С. Р. Л., II, стр. 51, 89 и 110.

[2]) Въ «Статистическомъ описаніи Кіевской губерніи», изд. *И. Фундуклеемъ*, т. I, стр. 52, сказано: «Цѣпь приднѣпровскихъ высотъ, отклоненіемъ своимъ у с. Вышгорода отъ рѣки, образуетъ низменные сѣнокосные луга, отъ одной до двухъ верстъ шириною, простирающіеся до самаго Кіева, гдѣ они принимаютъ названіе *оболони*». По объясненію г. Бестужева-Рюмина (Р. Ист., I, стр. 258), *болоньей* называлось пространство между валами городскими.

[3]) П. С. Р. Л., II, стр. 60.

[4]) Тамъ же, стр. 3.

[5]) Тамъ же, I, стр. 141; II, стр. 51, 54.

[6]) Тамъ же, II, стр. 174.

графической номенклатурѣ этого края: названія древнихъ городовъ: *Дубенъ*, на р. Иквѣ [1]), *Дубровица* [2]), на лѣвомъ берегу Горыни, и *Берестій* [3]) на правомъ берегу Западнаго Буга, свидѣтельствуютъ, что эти поселенія возникли въ лѣсной мѣстности. Сличеніе этихъ данныхъ съ современнымъ распредѣленіемъ лѣсовъ въ этомъ краѣ подтверждаетъ эту догадку: отъ той мѣстности, гдѣ находился Чертовъ лѣсъ, по сѣверному склону Авратынской возвышенности лѣса понынѣ простираются непрерывною цѣпью именно до Дубна; болѣе же къ сѣверу двѣ групы лѣсовъ, одна у Дубровицы, а другая близь Берестья, помѣстились по краямъ верхне-Припетской болотистой низменности.

Также трудно извлечь изъ лѣтописи какія-либо данныя о лѣсахъ въ области Дреговичей; только въ названіи одной изъ важнѣйшихъ рѣкъ этого края — *Березины*, да въ названіи самого племени скрывается указаніе на географическую характеристику его области. Слово *дрягва* на бѣлорусскомъ нарѣчіи значитъ топь, трясина [4]); такимъ образомъ, племенное названіе Дреговичей означаетъ жителей болотистой мѣстности, и дѣйствительно, край, гдѣ они жили, по сказанію начальной лѣтописи, обилуетъ топкими, покрытыми лѣсною порослью, болотами; этой отличительной особенности земли Дреговичей соотвѣтствуетъ и нынѣшнее названіе этого края—*Полѣсье*, которое, впрочемъ, встрѣчается еще въ XIII вѣкѣ [5]).

Области всѣхъ племенъ болѣе восточныхъ, чѣмъ перечисленныя доселѣ, а именно —Радимичей, Кривичей, Сѣверянъ и Вятичей, лѣтопись изображаетъ одинаково покрытыми лѣсомъ. Такое представленіе, съ точки зрѣнія приднѣпровскаго жителя, объясняетъ намъ то названіе *Залѣсья*, которое въ древности придавалось сѣверо-восточ-

[1]) Въ первый разъ упоминается подъ 1100 годомъ, П. С. Р. Л., I, стр. 116. Какъ здѣсь, такъ и ниже, мы приводимъ только такія географическія названія, которыя встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ — не позже XIV вѣка. Данныя позднѣйшей и современной номенклатуры знаачительно пополнили бы матеріалъ нашихъ соображеній.

[2]) Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1183 г., упоминается князь Дубровицкій. П. С. Р. Л., II, стр. 127.

[3]) Въ первый разъ упоминается подъ 1019 годомъ. П. С. Р. Л., I, стр. 62.

[4]) Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и граматики, изд. II-го Отд. Акад. Наукъ, II, ст. 178 (сборникъ бѣлорусскихъ словъ *С. П. Микуцкаго*). Ср. Исторія Россіи *С. М. Соловьева*, I, прим. 43.

[5]) П. С. Р. Л., II, стр. 206.

ной и сѣверной Руси въ противоположность Руси западной и южной [1]). Извѣстія, сообщаемыя Кіевскимъ лѣтописцемъ, какъ мы уже знаемъ, подтверждаются въ общихъ чертахъ современнымъ распредѣленіемъ лѣсовъ въ этомъ обширнѣйшемъ краѣ. Но, съ другой стороны, они должны быть принимаемы съ извѣстными ограниченіями, на которыя мы и укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ изложеніи понятій начальной лѣтописи объ устройствѣ поверхности восточно-европейской равнины г. Барсовъ справедливо указалъ, что лѣтописецъ очень мѣтко обозначилъ ея центральное плоскогорье, назвавъ его *Оковскимъ* лѣсомъ. Соединяя, такимъ образомъ, въ одномъ названіи понятія о лѣсѣ и о горной возвышенности, начальный лѣтописецъ дѣйствительно обозначилъ едва ли не самую характеристическую особенность древне-русской государственной области: во всей нечерноземной полосѣ ея лѣса располагаются на болѣе возвышенныхъ частяхъ поверхности; какъ рядъ холмовъ связываетъ центральное плоскогорье съ естественными границами равнины — съ Карпатами, съ Ураломъ и съ Олонецкими горами, такъ и лѣса тянутся съ этого плоскогорья почти непрерывною цѣпью — на западъ, по теченію Двины, пока влѣво отъ нея не достигаютъ Пинскихъ болотъ, — на югъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, — на сѣверъ, гдѣ теряются въ тундрахъ, — и на востокъ, гдѣ образуютъ еще болѣе густыя массы на склонахъ Урала. Обозрѣвая, въ своемъ изслѣдованіи, мѣстность Оковскаго лѣса, г. Барсовъ собралъ много данныхъ изъ географической номенклатуры этого края; самое названіе лѣса, при посредствѣ варіантовъ: Воковскій, Волоковскій, онъ приводитъ въ связь съ названіемъ того волока, который отдѣлялъ Балтійскій и Черноморскій бассейны отъ бассейна Бѣлаго моря. Это сближеніе значительно расширяетъ область Оковскаго лѣса противъ того, какъ она означена въ лѣтописи, въ предѣлы области Новгородскихъ Славянъ и сосѣд-

---

[1]) Въ спискѣ градовъ русскихъ (П. С. Р. Л., VII, стр. 240 — 241) грады Залѣсскіе составляютъ отдѣльную групу на ряду съ градами Дунайскими, Польскими, Кіевскими, Волынскими, Литовскими, Рязанскими и Смоленскими. Въ Словѣ о Задонщинѣ (*Изв. II-го Отд. Имп. Ак. Наукъ*, т. VI, ст. 351 — 352) земля Залѣсская упоминается въ смыслѣ Московской, а орда Залѣсская — въ смыслѣ московскаго войска. Слова Ипатьевской лѣтописи: «и воеваша у Карачева много, и бѣста *за лѣсъ у Вятичь* Святославъ Ольговичъ» (П. С. Р. Л., II, стр. 28) поясняютъ и связываютъ между собою указаніе Повѣсти временныхъ лѣтъ относительно распространенія лѣсовъ къ сѣверу отъ Кіева и названіе «Залѣсья».

нихъ съ нею Веси и Чуди; но нельзя, однако, считать его неосновательнымъ, такъ какъ оно подтверждается и современными, и прежними, исторически извѣстными географическими условіями этого обильнаго лѣсами края. Впрочемъ, еслибы даже мнѣніе г. Барсова и не было принято, область Оковскаго лѣса въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ, какъ дающаго истокъ Западной Двинѣ, Днѣпру и Волгѣ, отчетливо опредѣляется данными мѣстной номенклатуры: еще понынѣ тотъ лѣсъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, изъ котораго вытекаетъ Днѣпръ, называется *Волковыскимъ* [1]); онъ находится въ непосредственной связи съ лѣсами Осташковскаго уѣзда, въ которыхъ берутъ начало Западная Двина и Волга, а на границѣ уѣздовъ Осташковскаго и Ржевскаго, у окраины этихъ лѣсовъ, находится старинное село съ замѣчательнымъ названіемъ — *Оковцы* [2]). Въ этихъ предѣлахъ Оковскій лѣсъ является рубежемъ между землею Смоленскихъ Кривичей и областью Новгородскихъ Славянъ.

Лѣтопись не сохранила намъ извѣстій о распространеніи, впрочемъ несомнѣнномъ, лѣсовъ по песчанымъ и суглинистымъ побережьямъ Западной Двины въ область Кривичей Полоцкихъ. Напротивъ того, относительно двухъ широкихъ полостей съ такою же почвой къ югу отъ Оковскаго лѣса, образуемыхъ теченіемъ Днѣпра и двухъ его притоковъ съ лѣвой стороны—Сожа и Десны, мы имѣемъ цѣлый рядъ положительныхъ свидѣтельствъ. Уже названіе древняго города Брянска или *Дъбрянска* [3]) на верховьяхъ Десны указываетъ на лѣсной издревле характеръ окрестной мѣстности. Эта дебрь, къ югу отъ Брянска, носила названіе *Болдыжа* лѣса и простиралась внизъ Десны, преимущественно по лѣвому ея берегу, и по притоку съ той же стороны Нерусѣ и служила раздѣльною чертою между Сѣверянами и Вятичами [4]). Значительные лѣса до сихъ поръ групируются

---

[1]) Геогр. словарь Росс. Имп., изд. Геогр. Общ., I, стр. 77. Иностранные путешественники XVI и XVII вѣковъ обыкновенно называютъ этотъ лѣсъ *Волконскимъ*.

[2]) См. Историческую записку о селѣ Оковцахъ, составленную *В. Крыловымъ*. Тверь. 1862.

[3]) Въ первый разъ упоминается подъ 1146 г. П. С. Р. Л., II, 28. Ср. у г. *Барсова*, стр. 135.

[4]) П. С. Р. Л., II, 27, 28 и 47. Г. Барсовъ опредѣляетъ Болдыжъ лѣсъ по селу Болдыжу въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, но отвергаетъ указаніе Карамзина на другое село того же имени, въ Брянскомъ уѣздѣ, какъ не лежащее на указанномъ лѣтописью пути изъ Брянска въ Путивль и Сѣвскъ (ср. Матеріалы для историко-геогр. словаря, стр. 10). Намъ кажется, что мѣст-

въ этой мѣстности. Что въ старину лѣса существовали не только на лѣвомъ берегу Десны, но отчасти и вправо отъ нея, на это указываютъ своими названіями лежащіе тамъ нѣсколько къ югу города *Стародубъ* и *Сосница*, упоминаемые въ извѣстіяхъ XI—XIII вѣковъ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Сосница является уже на границѣ черноземной степи.

На востокѣ отъ верховьевъ Десны и ея притока Болвы, тамъ, гдѣ приходится водораздѣлъ Десненскихъ водъ отъ верховьевъ Оки, на суглинистыхъ берегахъ р. Брыни, впадающей у деревни Дубровки въ притокъ Оки Жиздру, должно искать прославленныхъ народнымъ преданіемъ дремучихъ лѣсовъ *Брынскихъ*. Лѣтопись хоть и знаетъ здѣшнюю мѣстность и даже упоминаетъ рѣку Брынь [2]), ничего, однако, не говоритъ о лѣсахъ, на ней расположенныхъ; тѣмъ не менѣе свидѣтельство нашего эпоса положительно, и притомъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ чрезвычайной лѣсистости Жиздринскаго уѣзда Калужской губерніи, а потому и должно быть принято во вниманіе. Находясь на водораздѣлѣ между системами Днѣпра и Оки, Брынскіе лѣса служили порубежною чертою между Смоленскими Кривичами и Вятичами, тогда какъ простиравшаяся на юго-востокъ отъ нихъ Вятская земля находилась уже въ области чернозема [3]). Судя по названію города Боровска, который упоминается только въ XIV вѣкѣ [4]), но какъ уже ранѣе того основанный, а равно по именамъ нѣкоторыхъ древнихъ Московскихъ урочищъ, въ коихъ нерѣдко слышно слово *боръ* [5]), можно догадываться, что цѣпь лѣсовъ, распространяясь отъ устьевъ Брыни на сѣверо-востокъ по теченію Оки, пересѣкала послѣднюю выше впаденія въ нее Угры, и минуя верховья Протвы (гдѣ стоитъ Боровскъ), Нары и Москвы рѣки, охватывала верхнее теченіе Клязьмы. Слѣды такого распредѣленія лѣсовъ въ этой мѣстности, гдѣ суглинокъ и изрѣдка глина составляютъ главный эле-

---

ность лѣса удобнѣе опредѣляется пространствомъ между обоими селами, при чемъ надобно имѣть въ виду, что село Болдыжъ Брянскаго уѣзда находится въ весьма лѣсистой понынѣ мѣстности.

[1]) П. С. Р. Л., I, 98; II, 177; V, 150.

[2]) Тамъ же, III, стр. 44.

[3]) Припомнимъ, что Вятичи являются племенемъ земледѣльческимъ уже при покореніи ихъ Святославомъ (П. С. Р. Л., I, стр. 27), хотя въ другомъ мѣстѣ (стр. 6) лѣтописецъ и изображаетъ ихъ живущими въ лѣсахъ.

[4]) Собр. госуд. грамотъ, I, №№ 25 и 26.

[5]) Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, *И. Забѣлина*, I, стр. 136.

ментъ почвы, можно и до сихъ поръ видѣть въ восточныхъ уѣздахъ Калужской губерніи и въ уѣздахъ Верейскомъ, Звенигородскомъ, Клинскомъ, Дмитровскомъ и Богородскомъ губерніи Московской. По извѣстію о томъ, что преп. Сергій основалъ Троицкую обитель въ глухихъ дебряхъ, можно заключить, что означенные лѣса отъ праваго берега Клязьмы распространялись къ сѣверу, а названіе р. *Дубны*, впадающей въ Волгу невдалекѣ отъ верхняго теченія Клязьмы, и старинной волости того имени [1]) указываетъ, что цѣпь лѣсовъ приближалась и къ побережью Волги ниже впаденія Мологи и Шексны. Къ сѣверо-востоку отъ р. Дубны значительные лѣса существуютъ до сихъ поръ на сѣверо-западномъ берегу Переяславскаго озера. Прямо къ сѣверу отсюда, въ серединѣ полуострова, образуемаго крутымъ изгибомъ Волги и р. Которостью, находился хорошо извѣстный лѣтописямъ XII—XIII вѣковъ *Ширенскій* лѣсъ, гдѣ въ 1238 г., послѣ Ситскаго побоища, погибъ князь Василько Ростовскій [2]). Подъ тѣмъ же названіемъ существуетъ этотъ лѣсъ и понынѣ [3]). По теченію Клязьмы до окрестностей Владиміра и далѣе къ востоку и юго-востоку до побережья Оки между Муромомъ и Рязанью также простирался обширный лѣсъ, какъ о томъ можно судить по названію Переяславля и Владиміра *Залѣсскими* городами, и особенно — по имени древняго города *Стародуба* Ряполовскаго на Клязьмѣ (въ 12-ти верстахъ ниже города Коврова) [4]). Народный эпосъ нашъ, съ своей стороны, также знаетъ обширные лѣса *Муромскіе*. Весьма замѣтные остатки этой лѣсной полосы существуютъ здѣсь понынѣ по суглинистымъ берегамъ Клязьмы и въ песчано-болотистомъ пространствѣ между Клязьмой и Окою.

Лѣса здѣшніе тѣмъ болѣе должны были обращать на себя вниманіе древнихъ славянскихъ насельниковъ этого первоначально Финскаго края, что за предѣлами этихъ дебрей находилось довольно значительное пространство земли, издревле безлѣсное и открытое, которое, быть можетъ, напоминало пришельцамъ съ юга степи ихъ родины. Безлѣсіе этихъ мѣстъ неопровержимо засвидѣтельствовано данными географической номенклатуры: здѣсь, преимущественно на лѣ-

---

[1]) Волость Дубна упоминается подъ 1216 г. П. С. Р. Л., I, стр. 212.

[2]) П. С. Р. Л., I, 162, 224.

[3]) Списокъ насел. мѣстъ Ярославской губ., введеніе, сост. *А. И. Артемьевымъ*, стр. XXIX—XXX.

[4]) Списокъ насел. мѣстъ Владимірской губ., введеніе, сост. *М. Н. Раевскимъ*, стр. XLVI.

вомъ берегу р. Колокши, встѣчаются едва ли не единственныя на всемъ сѣверо-востокѣ древней Руси древнія названія: Белехово *поле*[1]), Юрьевское *поле*, Юрьевъ *Польскій*[2]). Донынѣ здѣшній край, на протяженіи отъ Юрьева почти до Владиміра, слыветъ въ народѣ подъ названіемъ *Опольщины*; лѣсовъ здѣсь очень мало, а волнообразная, перерѣзанная крутыми оврагами поверхность этой площади имѣетъ очень плодородную черноземную почву[3]): это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ несомнѣннымъ фактъ древней безлѣсности этого края. Другая подобная же мѣстность, но гораздо меньшихъ размѣровъ, находилась къ сѣверо-западу отъ Опольщины, за Ширенскимъ лѣсомъ, на берегу Волги; объ этомъ свидѣтельствуетъ древнее названіе города Углича—Углече *поле*[4]) и то обстоятельство, что въ южныхъ окрестностяхъ этого города находятся небольшіе клочки черноземной почвы[5]).

Лѣтописи наши не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній о древнихъ географическихъ условіяхъ края вправо отъ Оки, между Муромомъ и Рязанью, и мы принуждены искать о немъ извѣстій въ другихъ источникахъ. На означенномъ протяженіи Оки въ нее впадаетъ, въ прямомъ направленіи съ юга, р. Мокша. Область этой рѣки была занята въ древности народомъ Буртасами, главный промыселъ которыхъ, по сказанію арабскихъ писателей, составляло звѣроловство; промыселъ этотъ указываетъ на существованіе значительныхъ лѣсовъ въ землѣ Буртасской[6]). Если мы взглянемъ на современное распредѣленіе лѣсовъ въ этой мѣстности, то увидимъ, что они, подъ названіемъ Мокшанскихъ, тянутся сплошною массою по правому песчано-глинистому берегу Мокши, переходятъ на лѣвый берегъ ея при впаденіи въ нее Цны, а послѣ впаденія самой Мокши въ Оку,

---

[1]) П. С. Р. Л., II, стр. 118. Урочище это не опредѣлено нашими изслѣдователями съ точностью (срав. Матеріалы *Н. П. Барсова*, стр. 5); лѣтопись указываетъ его по лѣвую сторону р. Колокши; кажется, что его слѣдуетъ искать въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, къ сѣверу отъ г. Юрьева у с. Билюкова (Списокъ насел. мѣстъ Владим. губ., № 6370).

[2]) П. С Р. Л., I, стр. 161 и др.

[3]) Списокъ насел. мѣстъ Владим. губ., введеніе, стр. VIII; Объясненія къ сельско-хоз. атласу, стр. 14.

[4]) П. С. Р. Л., I, стр. 139 и др.

[5]) Объясненія къ сельско-хоз. атласу, стр. 14: «въ юго-западномъ углу Угличскаго уѣзда, около дороги изъ Углича въ Калязинъ».

[6]) Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи, *П. С. Савельева*, стр. LXV—LXVII.

такою же густою массою простираются по правому песчаному берегу этой послѣдней до Мурома, въ виду котораго носятъ названіе Рожнова бора [1]).

Лѣса въ области р. Мокши составляли, однако, крайній южный предѣлъ сплошнаго распространенія лѣсной растительности въ юго-восточныхъ предѣлахъ древней Руси. Къ сѣверо-западной окраинѣ этихъ лѣсовъ, къ р. Цнѣ, подходила, въ XII—XIII вѣкахъ, граница Рязанской земли, которая на югъ отъ Оки имѣла уже вполнѣ степной характеръ. Ни прямыя извѣстія, ни даже болѣе темные намеки мѣстной номенклатуры не даютъ намъ указаній на существованіе лѣсовъ въ этой области; напротивъ того, лѣтопись прямо называетъ пространство на югъ отъ города Рязани *полемъ* [2]). И дѣйствительно, какъ-бы въ соотвѣтствіе этому названію, черноземъ является здѣсь господствующимъ родомъ почвы и затѣмъ распространяется вдоль южной границы Брынскихъ лѣсовъ и восточной Болдыжа лѣса. Плодородная мѣстность къ югу отъ послѣдняго—Посемье носитъ то же названіе *поля* [3]), и также называются земли Переяславская и Кіевская (Польская) и еще чаще—область Печенѣжскихъ и Половецкихъ кочевьевъ отъ Дона до Дуная.

Намъ остается сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о лѣсныхъ островахъ среди черноземнаго пространства. Къ сожалѣнію, относящіяся сюда свѣдѣнія очень скудны и отрывочны. Начиная обозрѣніе съ мѣстностей, ближайшихъ къ Кіеву, мы прежде всего должны упомянуть о лѣсахъ *Черномъ* и *Голубомъ*, о которыхъ упоминаетъ Ипатьевская лѣтопись подъ 1170 и 1187 годами, по случаю походовъ южно-русскихъ князей на Половцевъ [4]). Въ обоихъ этихъ извѣстіяхъ называется рѣка Снопородъ, которую до сихъ поръ не удалось узнать ни въ одной изъ рѣкъ приднѣпровской степи. Въ пользу мнѣнія, что Черный лѣсъ находился на лѣво отъ Днѣпра, можно указать на упоминаемую при немъ р. Уголъ, которая пріурочивается къ Орели, притоку Самары, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны [5]), и на то,

---

[1]) Географ. Словарь Евр. Россіи, т. III, подъ словомъ «Мокшанскій лѣсъ»; Списокъ насел. мѣстъ Владим. губ., введеніе, стр IX и XVII.

[2]) П. С. Р. Л., I, стр. 164.

[3]) Тамъ же, II, стр. 35.

[4]) Тамъ же, II, стр. 98 и 134.

[5]) На основаніи слѣдующихъ словъ Ипатьевской же лѣтописи подъ 1185 гогомъ: «на мѣстѣ нарѣцаемѣмь Ерель, его же Русь зоветъ Уголъ». П. С. Р. Л., II, стр. 128.

что небольшіе лѣса понынѣ существуютъ въ низовьяхъ Самары. Въ подтвержденіе же того, что Черный лѣсъ должно искать на правой сторонѣ Днѣпра можетъ быть указано на существованіе до сихъ поръ лѣса съ тѣмъ же именемъ въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, на возвышенности, съ которой сбѣгаютъ рѣки Тясминъ, Ингулъ и Ингулецъ со своими притоками. Находящіяся здѣсь три лѣсныя дачи—Черный лѣсъ, Чута и Нерубай—стоящія нынѣ отдѣльно, еще въ концѣ прошлаго вѣка составляли одно цѣлое; по замѣчанію очевидца, „слѣды ихъ доселѣ замѣтны въ оставшихся буеракахъ, большихъ и малыхъ, кои находятся въ различномъ одинъ отъ другаго разстояніи, на поляхъ"; по мѣстному преданію, всѣ близь лежащія селенія были основаны въ лѣсахъ, которые вскорѣ затѣмъ подверглись истребленію [1]). Во всякомъ случаѣ въ извѣстіяхъ лѣтописи о Черномъ и Голубомъ лѣсахъ любопытно указаніе, что къ нимъ примыкали вѣжи Половцевъ: это сосѣдство кочевниковъ не могло не содѣйствовать уменьшенію лѣсовъ.

Если къ этому прибавимъ еще указаніе на плавенные лѣса Днѣстровской долины, да на лѣски и буераки спускающихся къ Черному морю овраговъ Авратынской возвышенности, въ родѣ тѣхъ, которые и нынѣ существуютъ кое-гдѣ въ Подоліи, въ южныхъ уѣздахъ, Кіевской губерніи и въ сѣверныхъ—Херсонской, и какіе еще въ большемъ количествѣ находили тамъ путешественники конца прошлаго вѣка Гюльденштедтъ и Мейеръ [2]),—то обозначимъ едва ли не всѣ тѣ оазисы лѣсной растительности, существованіе которыхъ въ древности можетъ быть доказано въ предѣлахъ южно-русской степи вправо отъ Днѣпра.

Переходя, затѣмъ, на лѣвую сторону этой главной водной артеріи южной Руси, мы прежде всего должны остановиться на низовьяхъ самого Днѣпра. Его долина и многочисленные острова, все болѣе и болѣе понижающіе свой уровень по мѣрѣ приближенія къ устью и затопляемые весенними разливами, богаты роскошною растительностью, которая, безъ сомнѣнія, также была свѣжа и зелена въ древности, какъ и нынѣ. На одномъ изъ островов этого низовья, гдѣ Бопланъ, со словъ очевидцевъ, засвидѣтельствовалъ существованіе

---

[1]) Новоросс. календарь на 1859 годъ. Ст. іером. *Арсенія*: «Черный лѣсъ и его окрестности», стр. 426. Сравн. Списокъ насел. мѣстъ Херсонской губ., введеніе, стр. XXIV и XXXVI.

[2]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи, введеніе, стр. XXIV.

дубоваго лѣса еще въ XVII столѣтіи, Руссы X вѣка, по разказу Константина Багрянороднаго, приносили жертвы своимъ богамъ у подножія дуба чрезвычайной величины; лѣсистый островъ этотъ назывался *Хортичь* [1]), вѣроятно, въ честь Хорса-Дажьбога, внуками котораго считали себя Руссы.

Плавни Днѣпровскаго устья и лѣса, остатки которыхъ еще понынѣ сохранились кое-гдѣ на песчаной Кинбурнской косѣ, составляли ту благодатную лѣсную мѣстность, которую описываетъ Геродотъ подъ именемъ Гилеи. Лѣсной характеръ этого края, какъ весьма отчетливо доказалъ г. Брунъ [2]), сохранялся и въ средніе вѣка, когда здѣсь, въ самыхъ назовьяхъ Днѣпра, существовалъ городъ Олешье [3]). „Въ окрестностяхъ этого города", замѣчаетъ тотъ же почтенный ученый, — „назадъ тому лѣтъ полтораста, безъ сомнѣнія, было болѣе деревьевъ, нежели теперь, и не удивительно, почему Турки могли сказать, что Запорожцы, которые, послѣ сраженія при Полтавѣ, искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ „Лѣсѣ братьевъ". Въ средніе вѣка этотъ лѣсъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства, слѣдовательно, могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ бургундскій рыцарь Гильберъ де-Ланнуа во время своего путешествія изъ Монкастро въ Кафу, въ 1421 году" [4]).

Нѣсколько далѣе къ востоку, у Перекопскаго перешейка, также существовалъ лѣсной оазисъ. Свидѣтельство о томъ указано г. Нейманомъ у Константина Багрянороднаго (De admin. imperio): „Онъ (тоесть, Константинъ) говоритъ о рвѣ, который когда-то, въ старыя времена, былъ вырытъ на Перекопскомъ перешейкѣ; но въ то время былъ засыпанъ: здѣсь находился густой лѣсъ, чрезъ который Пече-

---

[1]) См. Описаніе Украйны, *Боплана*, стр. 24—25 и Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи, *Н. Барсова*, стр. 63 и 169.

[2]) Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ, стр. XXV—XXVIII.

[3]) Надеждинъ (*Записки Одесск. Общ. исторіи и древн.*, т. I, стр. 51) высказалъ даже догадку, что самое имя этого города «можетъ быть произведено отъ славяно-русскаго «олѣшья» (мѣста подлѣснаго или около-лѣснаго)», но г. Брунъ, въ упомянутомъ изслѣдованіи, приводя, на основаніи актовъ Константинопольскаго патріархата, греческое названіе этого поселенія — Элиссосъ, полагаетъ, что Олешье было названо такъ Русскими «едва ли не вслѣдствіе измѣненія въ устахъ нашихъ предковъ эллинскаго его имени» (стр. XXVII).

[4]) Подлинный текстъ разказа де-Ланнуа о его путешествіи по южно-русскимъ предѣламъ, съ переводомъ и примѣчаніями г. *Бруна*, см. въ *Зап. Одесск. Общ. ист. и древн.*, III, стр. 433—465.

нѣги двумя только путями добирались до Херсона и Боспора (Пантикапеона). Вѣроятно, подъ этими путями Константинъ Багрянородный подразумѣвалъ путь чрезъ Перекопскій перешеекъ и путь чрезъ Геничи и Арабатскую стрѣлку" [1]). Еще восточнѣе, но въ той же полосѣ, были лѣса на р. Калкѣ (притокѣ Калміуса), какъ о томъ осталось извѣстіе въ Ростовской лѣтописи, въ разказѣ о побѣдѣ, одержанной здѣсь въ 1380 году Тохтамышемъ надъ Мамаемъ [2]). Затѣмъ, относительно крайнихъ юго-восточныхъ мѣстностей черноземной полосы мы можемъ привести только весьма позднія и скудныя извѣстія. Венеціанецъ Іосафатъ Барбаро, прожившій въ городѣ Танѣ (Азовѣ) съ 1436 по 1452 годъ, упоминаетъ, въ описаніи своего путешествія, что онъ видѣлъ лѣсъ гдѣ-то въ окрестностяхъ этого города, въ 3-хъ миляхъ отъ него, да при разрытіи кургана Контеббе, въ 60-ти миляхъ отъ Таны на правой сторонѣ Дона, обратилъ вниманіе на слой угля, „естественное слѣдствіе ивовыхъ лѣсовъ, которыхъ по близости находилось великое множество" [3]). Если такъ мало могъ сказать о степени распространенія лѣсной растительности въ низовьяхъ Дона путешественникъ, проведшій тамъ шестьнадцать лѣтъ, то очевидно, край этотъ не поражалъ сколько-нибудь значительною лѣсистостью, и она ограничивалась, вѣроятно, лозовыми и другими мелколѣсными порослями въ балкахъ и оврагахъ.

Наконецъ, если отсюда мы подымемся чрезъ „поле" прямо на сѣверъ, то найдемъ древніе лѣса въ мѣстности между Дономъ и Воронежемъ. Объ этихъ Воронежскихъ лѣсахъ упоминаетъ Воскресенская лѣтопись подъ 1283 годомъ, въ разказѣ о князьяхъ Курскомъ Олегѣ и Липецкомъ Святославѣ и о баскакѣ Ахматѣ [4]). Тутъ, очевидно, разумѣются тѣ самые лѣса, которыхъ значительные остатки уцѣлѣли на берегахъ (преимущественно на лѣвомъ) р. Воронежа въ Задонскомъ и Липецкомъ уѣздахъ.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили по историческимъ извѣстіямъ древнее распредѣленіе лѣсовъ во всей почти государственной области древней Руси, а также отмѣтили всѣ исторически извѣстные

---

[1]) *Записки Общества сельскаго хозяйства южной Россіи* 1857 г., стр. 406.

[2]) *Карамзинъ*, Ист. Г. Росс., V, прим. 88: «Срѣтошася на Калкахъ (въ *Ростов.* Калкахъ лѣсѣхъ).... и Тохтамышъ побѣди».

[3]) Библіотека иностр. писателей о Россіи, *В. Семенова* и *М. Каллистратова*, I, стр. 29 и 10.

[4]) П. С. Р. Л., VII, стр. 177—178.

лѣсные острова въ южно-русской черноземной степи; мы не коснулись только сѣвера—земли Новгородской, такъ какъ фактъ исконнаго существованія здѣсь обширныхъ лѣсовъ не требуетъ уже никакихъ историческихъ справокъ. Если теперь оглянемся назадъ и сравнимъ результатъ историческаго обзора съ изложенными выше наблюденіями географическими, то убѣдимся, что выводы, получаемые обоими путями изслѣдованія, сходятся весьма близко, и стало быть, взаимно подтверждаются: оба пути приводятъ къ одинаковому обозначенію границы между нечерноземною областью лѣса и черноземною полосою степи, и оба убѣждаютъ въ томъ, что сѣверъ представлялъ чрезвычайное обиліе лѣсной растительности, тогда какъ югъ издревле обладалъ лишь лѣсными островами — и то въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ господствующій въ немъ черноземный родъ почвы смѣняется какимъ-либо другимъ—иного образованія и состава. Къ этимъ первоначальнымъ выводамъ, не безполезнымъ, какъ намъ кажется, для исторической географіи, намъ слѣдовало бы, можетъ быть, присоединить еще нѣсколько заключеній касательно дальнѣйшихъ отношеній дознанныхъ фактовъ; можетъ быть, слѣдовало бы сказать о томъ вліяніи, которое богатство и распредѣленіе лѣсовъ оказывало на климатическія условія края и на обиліе водъ въ его рѣкахъ, указать — какое участіе имѣли лѣса въ дѣлѣ распространенія населенія на территоріи, отмѣтить ихъ оборонительное значеніе на рубежахъ государственной области, и наконецъ, обратить вниманіе на то, что лѣса способствовали развитію извѣстныхъ промысловъ въ народѣ, и что вообще борьба съ лѣсною природой должна была не только приводить къ матеріальной обработкѣ территоріи, но и дѣйствовать культурнымъ образомъ на населеніе. Мы, однако, воздерживаемся отъ развитія этихъ дальнѣйшихъ заключеній. Полагаемъ однако, что и предложенныя нами замѣтки о лѣсахъ древней Руси въ историко-географическомъ отношеніи доказываютъ возможность и даже необходимость ставить историко-географическія изслѣдованія въ связь съ требованіями и задачами общаго землевѣдѣнія. Поэтому мы и считаемъ себя въ правѣ выразить желаніе, чтобы г. Барсовъ, въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ по исторической географіи, велъ свои изслѣдованія въ указанномъ направленіи.

III.

Вопросамъ исторической этнографіи не могло не быть отведено мѣсто въ трудѣ г. Барсова. Мы коснемся этого предмета въ настоя-

щемъ отдѣлѣ нашихъ замѣтокъ, но остановимся впрочемъ только на одномъ пунктѣ историко-этнографическихъ изслѣдованій почтеннаго автора, важномъ между прочимъ и потому, что онъ положенъ имъ въ основу его очерка древней области Русскихъ Славянъ.

Представляя обзоръ населенія восточно-европейской равнины по даннымъ начальной лѣтописи, г. Барсовъ долженъ былъ опредѣлить составныя части трехъ главныхъ народностей, изъ которыхъ оно состояло, то-есть, Литовцевъ, Финновъ и Славянъ; другими словами: г. Барсовъ увидѣлъ необходимость выяснить, что̀ за единицы разумѣетъ лѣтопись подъ тѣми географическими названіями, которыя преобладаютъ въ ея извѣстіяхъ о восточной Европѣ Мы уже знаемъ, что при разсмотрѣніи перечня странъ и народовъ, находящагося на первой страницѣ начальной лѣтописи, г. Барсовъ призналъ имена внесенныя въ него не изъ византійскаго книжнаго, а изъ народнаго русскаго источника, за „имена народовъ и племенъ"—въ противоположность „названіямъ областей", каковы имена книжной части перечня (стр. 7). При обозрѣніи народностей Литовской и Финской, г. Барсовъ также призналъ сейчасъ упомянутыя названія начальной лѣтописи обозначающими отдѣльные „народы", „племена" и „народцы" (стр. 33 и 38), и затѣмъ разсмотрѣлъ каждое изъ названныхъ племенъ въ его территоріальныхъ границахъ. Наконецъ, при обозрѣніи народности Славянской, главнаго предмета сочиненія, явилась необходимость болѣе точно выяснить то понятіе, которое скрывается въ настоящемъ случаѣ за номенклатурой какъ самостоятельной части лѣтописнаго перечня, такъ и всей начальной лѣтописи, когда она упоминаетъ русско-славянскія имена, называемыя этимъ перечнемъ.

Весьма благоразумно обратясь для этой цѣли къ даннымъ самой лѣтописи, г. Барсовъ прежде всего счелъ необходимымъ отстранить слово *племя*, которое пріурочивается къ названіямъ Полянъ, Древлянъ, Кривичей и пр. новыми учеными—въ смыслѣ *единицы этнографической*, а въ самой лѣтописи употребляется въ иномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ этимъ г. Барсовъ отвергаетъ и возможность существованія сколько-нибудь значительныхъ этнографическихъ отличій между названными единицами. „Каждая вѣтвь, каждое племя", говоритъ онъ,—„занимало опредѣленную область, имѣло свое имя, и въ понятіяхъ лѣтописца представлялось особою единицею, точно отличавшеюся отъ другихъ: „Имаху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, *кождо свой нравъ*" (Лавр., 6). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не находимъ у него (лѣтописца) прямаго объясненія, въ чемъ именно заключались эти отличія, чѣмъ

именно выдѣлялась каждая вѣтвь изъ ряду другихъ. По прямому смыслу лѣтописнаго изложенія, всѣ эти отличія сводятся къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія, и можетъ быть, къ различію нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ глазахъ лѣтописца-христіанина эти отличія, вытекавшія изъ первобытнаго языческаго строя Славянства, могли представляться съ большею рѣзкостью, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Такъ, отличительныя черты Полянъ, у которыхъ христіанство водворилось ранѣе, чѣмъ у другихъ, онъ полагаетъ въ превосходствѣ ихъ надъ другими именно по нравственнымъ понятіямъ и по формамъ общественнаго быта.... Ясно, что такія обрядовыя отличія, вызванныя у Славянъ водвореніемъ у нихъ новаго жизненнаго начала — христіанства, такое неравенство въ общественномъ и нравственномъ развитіи не могли служить первоначальною основою для такого выдѣленія и обособленія вѣтвей изъ общей массы восточно-славянскаго населенія, съ какимъ они являются намъ не только въ изложеніи начальной лѣтописи, но и въ самой исторической жизни Руси первыхъ вѣковъ... Также мало могли обособляться вѣтви языкомъ, въ которомъ различія состояли не болѣе, какъ въ говорахъ,— религіей, и тѣмъ менѣе началами и формами общественнаго и семейнаго быта, которыя носили на себѣ печать единаго славянскаго происхожденія" (стр. 66—68)

Отвергнувъ такими доводами примѣненіе этнографическаго термина *племя* къ названіямъ русско-славянскихъ „вѣтвей", авторъ дѣлаетъ попытку отыскать въ самой лѣтописи то слово, и стало быть, то понятіе, которымъ опредѣляются эти отдѣльныя особи восточнаго Славянства „При внимательномъ разсмотрѣніи свидѣтельствъ о бытѣ восточныхъ Славянъ", говоритъ онъ,— „нельзя не видѣть, что эти условія и основанія заключались, съ одной стороны, въ географической отдѣльности поселеній каждаго племени, а съ другой—во внутренней связи ея составныхъ частей, которыя сплачивались задатками государственной жизни, обнаруживающимися въ разныхъ концахъ восточно-славянскаго міра уже до половины IX вѣка,—такъ что каждая вѣтвь славянскаго языка составляла не этнографическую, а *политико-географическую единицу*" (стр. 68). На такое значеніе „племенъ", по мнѣнію автора, прямо указываютъ различныя данныя, представляемыя начальною лѣтописью: вопервыхъ, то, что уже съ самыхъ разныхъ извѣстій „вѣтви" восточнаго Славянства являются въ связи съ ихъ географическимъ разселеніемъ, такъ что даже имена

ихъ у лѣтописца объясняются *топически*; вовторыхъ, то, „что къ половинѣ IX вѣка, восточно-славянскія вѣтви выработали уже въ себѣ въ значительной мѣрѣ и внутреннее единство, и внѣшнюю самостоятельность, и сознаніе своей особности. Съ такимъ развитіемъ отдѣльности и самостоятельности являются Новгородскіе Славяне и Полоцкіе Кривичи въ призваніи князей, которое если и совершилось, то не иначе, какъ на обоюдныхъ условіяхъ съ той и съ другой стороны; — Кривичи, Поляне и другія южныя племена, соглашающіяся добровольно подчиниться Руси;—Улучи, Тиверцы, Хорваты въ борьбѣ съ Русью за независимость, — въ борьбѣ, которая у Вятичей длилась до конца XI вѣка. Особность восточно-славянскихъ вѣтвей была такимъ рѣзкимъ, выдающимся фактомъ въ эпоху сложенія Русскаго государства, что лѣтопись почла необходимымъ объяснить ея происхожденіе преданіемъ, записаннымъ ею въ извѣстной легендѣ о Кіѣ и его братьяхъ. До этихъ братьевъ, говоритъ она, Поляне жили особо, *каждый родъ на своемъ мѣстѣ*; но послѣ основанія Кіева и „*по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженіе* въ Поляхъ, въ Деревляхъ *свое*, а Дреговичи *свое*, а Словѣне *свое* въ Новгородѣ, а *другое* на Полотѣ или Полочане (Лавр., 5)" (стр. 68—69). Такимъ образомъ, авторъ находитъ, что „такъ-называемыя племена въ славянскомъ мірѣ уже въ эпоху до образованія Русскаго государства представлялись въ пониманіи лѣтописца *княженіями*", и что, „какъ кажется, они весьма рано усвоили себѣ названіе *земель*, названіе, болѣе точно выражающее ихъ внутреннія и внѣшнія отношенія" (стр. 69).

Съ этими заключеніями можно согласиться только отчасти. Г. Барсовъ вѣрно подмѣтилъ въ географическихъ именахъ начальной лѣтописи, о которыхъ идетъ рѣчь, характеръ топическій, и въ этомъ смыслѣ, конечно, нельзя ихъ опредѣлять терминомъ *племя*, который предполагаетъ союзъ людей, основанный на кровномъ, физіологическомъ принципѣ, и въ силу того, пріобрѣвшій одинаковый складъ языка, понятій, обычаевъ и вѣрованій, но въ то же время независимый отъ какой-либо территоріи и даже по преимуществу кочевой. Напротивъ того, указываемый г. Барсовымъ терминъ *земля*, по постоянному употребленію этого слова лѣтописью (земля Деревская, Польская, то-есть, Полянская, Ростовская, Новгородская и т. д.), имѣетъ смыслъ по преимуществу топическій, территоріальный: земля есть округъ осѣдлости извѣстной части населенія, племени или общины. Но по происхожденію своему, или лучше сказать, по ходу своего образованія терминъ этотъ имѣетъ тѣсную связь съ понятіемъ пле-

мени; на это обратилъ вниманіе еще г. Соловьевъ. „Первоначально, до призванія Рюрика“, говоритъ онъ,—„лѣтописецъ указываетъ намъ племена независимыя другъ отъ друга: это видно изъ его словъ, что каждое племя имѣло свое княженіе; встрѣчаемъ сначала и названія земель отъ имени племенъ, напримѣръ, Деревская земля; слѣдовательно, можно думать, что *первоначально границы земель соотвѣтствовали границамъ племенъ*“ [1]). Въ поясненіе къ этой замѣткѣ приведемъ еще мѣткія слова другаго ученаго. „Этнографическіе признаки и особенности племенъ, выработавшіеся въ родовую эпоху“, говоритъ г. Леонтовичъ,—„затѣмъ долго сохраняются, какъ національныя, характерныя принадлежности народнаго быта, видоизмѣняются и приспособляются позже, въ эпоху общинной жизни, къ вновь возникающимъ бытовымъ и территоріальнымъ условіямъ народной жизни“ [2]). Сообразно съ этимъ и въ то же время, не принимая безусловно заключеній той теоріи, которая предполагаетъ, что земли образовались только въ силу племенныхъ различій, можно допустить—вопреки г. Барсову,—что между жителями отдѣльныхъ земель дѣйствительно существовали извѣстныя различія этнографическія.

Почтенный авторъ напрасно утверждаетъ, что начальная лѣтопись не даетъ никакихъ указаній на эти особенности племенъ. Мы уже старались объяснить (въ I-й главѣ настоящихъ замѣтокъ), что составителю Повѣсти временныхъ лѣтъ не чужды были общія этнографическія понятія. Его ссылка на обычаи, преданія, нравы, какъ на признаки, по которымъ Поляне отличались отъ Древлянъ, Сѣверянъ и другихъ племенъ, ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Конечно, лѣтописецъ явно пристрастно благоволилъ къ Полянамъ и слишкомъ сурово относился къ другимъ племенамъ, особенно къ стариннымъ врагамъ Полянъ —Древлянамъ, и къ Вятичамъ, съ которыми воевалъ его современникъ Мономахъ, и среди которыхъ даже въ XII вѣкѣ св. Кукша Печерскій нашелъ еще язычество; но при всемъ этомъ, указанія составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ на различную степень культуры разныхъ племенъ имѣютъ цѣнность въ этнографическомъ отношеніи. Какъ ни странно покажется это сближеніе, а между тѣмъ нельзя не вспомнить, что и современная наука народовѣ-

---

[1]) Исторія Россіи, Ш, стр. 25 (изд. 4-е). Ср. ст. *А. Д. Градовскаго*: «Государственный строй древней Россіи» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1868 г., октябрь, стр. 109.

[2]) См. «Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874 г., іюль, стр. 128.

мени; на это обратилъ вниманіе еще г. Соловьевъ. „Первоначально, до призванія Рюрика“, говоритъ онъ,—„лѣтописецъ указываетъ намъ племена независимыя другъ отъ друга: это видно изъ его словъ, что каждое племя имѣло свое княженіе; встрѣчаемъ сначала и названія земель отъ имени племенъ, напримѣръ, Деревская земля; слѣдовательно, можно думать, что *первоначально границы земель соотвѣтствовали границамъ племенъ*“ [1]). Въ поясненіе къ этой замѣткѣ приведемъ еще мѣткія слова другаго ученаго. „Этнографическіе признаки и особенности племенъ, выработавшіеся въ родовую эпоху“, говоритъ г. Леонтовичъ,—„затѣмъ долго сохраняются, какъ національныя, характерныя принадлежности народнаго быта, видоизмѣняются и приспособляются позже, въ эпоху общинной жизни, къ вновь возникающимъ бытовымъ и территоріальнымъ условіямъ народной жизни“ [2]). Сообразно съ этимъ и въ то же время, не принимая безусловно заключеній той теоріи, которая предполагаетъ, что земли образовались только въ силу племенныхъ различій, можно допустить—вопреки г. Барсову,—что между жителями отдѣльныхъ земель дѣйствительно существовали извѣстныя различія этнографическія.

Почтенный авторъ напрасно утверждаетъ, что начальная лѣтопись не даетъ никакихъ указаній на эти особенности племенъ. Мы уже старались объяснить (въ I-й главѣ настоящихъ замѣтокъ), что составителю Повѣсти временныхъ лѣтъ не чужды были общія этнографическія понятія. Его ссылка на обычаи, преданія, нравы, какъ на признаки, по которымъ Поляне отличались отъ Древлянъ, Сѣверянъ и другихъ племенъ, ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Конечно, лѣтописецъ явно пристрастно благоволилъ къ Полянамъ и слишкомъ сурово относился къ другимъ племенамъ, особенно къ стариннымъ врагамъ Полянъ —Древлянамъ, и къ Вятичамъ, съ которыми воевалъ его современникъ Мономахъ, и среди которыхъ даже въ XII вѣкѣ св. Кукша Печерскій нашелъ еще язычество; но при всемъ этомъ, указанія составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ на различную степень культуры разныхъ племенъ имѣютъ цѣнность въ этнографическомъ отношеніи. Какъ ни странно покажется это сближеніе, а между тѣмъ нельзя не вспомнить, что и современная наука народовѣ-

[1]) Исторія Россіи, Ш, стр. 25 (изд. 4-е). Ср. ст. *А. Д. Градовскаго*: «Государственный строй древней Россіи» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1868 г., октябрь, стр. 109.

[2]) См. «Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874 г., іюль, стр. 128.

Такимъ образомъ, если мы признаемъ—вмѣстѣ съ г. Барсовымъ, что географическія названія, встрѣчаемыя на первыхъ страницахъ начальной лѣтописи—Поляне, Сѣверяне, Вятичи и пр., обозначаютъ земли, то это отнюдь не помѣшаетъ намъ допустить извѣстныя этнографическія различія между жителями отдѣльныхъ земель, и даже напротивъ, приведетъ къ весьма вѣроятному предположенію, что раздѣленію страны на земли предшествовало образованіе, въ незапамятныя времена, племенъ, которыя потомъ, пріобрѣтя земледѣльческую осѣдлость, *съвши на корю*, на корени, какъ говорится въ народѣ [1]), вмѣстѣ съ тѣмъ, предѣлами своего разселенія, и обозначили первоначальныя границы *земель*. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что послѣ образованія Русскаго государства, послѣ того, какъ племена стали данниками великаго князя Кіевскаго, какъ въ ихъ городахъ посажены были княжіе мужи, а въ иныхъ мѣстахъ и вновь срублены были города,—этотъ племенной составъ земель долженъ былъ измѣниться. „Съ тѣхъ поръ, какъ началась дѣятельность князей Рюриковичей", говоритъ г. Соловьевъ,—„это совпаденіе границъ (племенныхъ и земельныхъ) было нарушено, и въ послѣдующемъ дѣленіи земель или волостей между князьями мы не можемъ отыскать прежняго основанія: такъ, земля Новгородская заключаетъ въ себѣ землю и Славянъ, и Кривичей, земля Полоцкая—землю Кривичей и Дреговичей, Смоленская—Кривичей и Радимичей, Кіевская—Полянъ, Древлянъ и Дреговичей, Черниговская—Сѣверянъ и Вятичей. Уже самая перемѣна названій, изчезновеніе именъ племенныхъ, замѣненіе ихъ именами, заимствованными отъ главныхъ городовъ, показываетъ намъ, что основаніе дѣленія здѣсь другое, а не прежнее племенное" [2]). Съ своей стороны, и г. Барсовъ вполнѣ признаетъ это явленіе: онъ указываетъ на то, что нѣкоторые города возвысились на степень центральныхъ для цѣлой земли, что „многія земли получили отъ нихъ свое названіе", и что „эти городскія имена отчасти вытѣснили собою первоначальныя родовыя и племенныя названія, отчасти сдѣлались равнозначущи съ ними" (стр. 71). Если г. Барсовъ нашелъ возможнымъ допустить все это, то очевидно, онъ долженъ былъ, чтобы не впасть въ односторонность и непослѣдовательность, допустить въ основаніи территоріальнаго дѣленія на земли — подкладку племенныхъ разли-

[1]) Историческіе очерки р. нар. слов. *Ѳ. И. Буслаева*, I, стр. 99.
[2]) Исторія Россіи, III, стр. 25—26 (изд. 4-е).

чій, то-есть, признать, что особи, которыя лѣтопись обозначаетъ названіями Полянъ, Древлянъ, Вятичей и т. д., были не только политико-географическими, но и этнографическими единицами.

Что же касается термина *княженіе*, который, какъ мы видѣли, г. Барсовъ старается, на основаніи одного приводимаго имъ свидѣтельства начальной лѣтописи, также пріурочить къ названіямъ племенъ, то и въ этомъ случаѣ правильности вывода вредитъ односторонность взгляда г. Барсова: не говоря уже о крайней сомнительности этого извѣстія,—ибо оно какъ-бы ставитъ учрежденіе княжеской власти у всѣхъ племенъ въ зависимость отъ примѣра, поданнаго Полянами,—даже если мы допустимъ его достовѣрность, то должны признать, что княженія опредѣляются, по этому свидѣтельству, также какъ и земли при ихъ первоначальномъ образованіи, племеннымъ составомъ населенія [1]). Стало быть, и этотъ терминъ не имѣетъ, въ данномъ случаѣ, значенія политико-географической единицы. Значеніе отдѣльной самостоятельной правительственной области, политическаго округа княженіе пріобрѣтаетъ лишь впослѣдствіи.

На этомъ оканчиваемъ мы замѣтки о почтенномъ трудѣ г. Барсова. Повторяемъ еще разъ, что, не представивъ разбора полнаго, мы не могли дать и полнаго понятія объ этомъ изслѣдованіи, и въ особенности, объ его достоинствахъ. Съ удовольствіемъ упомянемъ о нихъ здѣсь. Многіе параграфы въ трудѣ г. Барсова, какъ напримѣръ, тщательное опредѣленіе границъ отдѣльныхъ княженій, изысканіе о разныхъ видахъ славянскихъ поселковъ и объ укрѣпленіяхъ порубежныхъ (стр. 73—75), замѣтки о слѣдахъ колонизаціоннаго движенія съ сѣвера, запада и юга (отъ Славянъ Новгородскихъ, отъ Кривичей Смоленскихъ и изъ Муромско-Рязанской земли) въ мѣстность, составившую впослѣдствіи Московское княжество и центръ Русской земли (стр. 149—150, 164, 171 — 172), даютъ очень любопытные результаты и заслуживаютъ полнаго одобренія. Сличеніе древнихъ историко-географическихъ извѣстій съ современною географическою номенклатурою на всемъ пространствѣ древней Руси, быть

[1]) Лѣтопись знаетъ племенныхъ князей, «иже распасли суть Деревскую землю» (см. П. С. Р. Л., I, стр. 24; ср. Русск. Ист. *К. Н. Бестужева-Рюмина*, I, стр. 46) и даже называетъ одного изъ нихъ—Мала; таковъ же, вѣроятно, былъ и князь Вятичей Ходота.

можетъ, иногда увлекшее автора за предѣлы осторожности, во всякомъ случаѣ должно обратить на себя вниманіе, потому что проведено во всемъ трудѣ послѣдовательно и съ очевидною пользою для дѣла. Въ виду этихъ достоинствъ, и наконецъ, въ виду огромнаго, кропотливаго и далеко не безплоднаго труда, исполненнаго авторомъ, должно признать, что изслѣдованіе г. Барсова составляетъ очень полезное пріобрѣтеніе для нашей ученой литературы.

СОДЕРЖАНІЕ.

